

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ мѣ "Уніонъ"
состоится
Анонсъ. состоится только

Концертъ Маріи Ивановны Долиной

известной артистки.
всесоюзной звезды

Х. К. Яцери П. Исидор

въ залъ новой биржи
въ этомъ домѣ вь стражѣГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (90)

Декабрь. 2014 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Шаг за шагом

В год 220-летия Одессы городские власти привели в порядок, реставрировали один из старейших знаковых объектов нашего города — аркаду карантинной стены в парке имени Шевченко. Так хочется воспринять это как символ того, что центральная, историческая часть Одессы будет постепенно реставрироваться, а не разрушаться бессмысленными надстройками, якобы мансардами (в два этажа!), что общественные слушания помешают возводить небоскребы в центре города, нарушая его пропорции, ауру города для людей.

Я понимаю, как много проблем городские власти сами себе создали. Не сегодня, а в последние два-три десятилетия. Застроив многоэтажками Аркадийское плато, архитекторы не могли не понимать, что отсутствие транспортной развязки рано или поздно приведет к уничтожению Французского бульвара.

Это только один пример. А изуродованная Отрада?..

Естественно, любой город должен развиваться. Но сколько лет идут обещания осваивать Молдаванку, а "хмарочосы" возникают на Греческой, на Юрия Олеши, на Большой Арнаутской. Сейчас разрушают площадь Льва Толстого, на месте старинных провиантских складов уже растет высотка...

И всё-таки вот эта аркада вселила в меня надежду. Забавным показался спор в соцсетях о форме окон в Пороховой башне. Я доверяю знаниям Олега Губаря. И если он говорит, что окна в разные годы были разной формы, что нынешние — исторически оправданы, то можно и нужно перейти к более серьезному разговору — чем сегодня заполнить башню, как воссоздать в ней музейное пространство. Может быть,

такое, какое сделал когда-то в этой башне краевед Р. Ципоркис, может быть, другое, воссоздающее историю парка, может быть, менять экспозицию 3 — 4 раза в год и обязательно знакомить с ней школьников.

У Всемирного клуба одесситов уже приобретен некоторый опыт. По инициативе Аркадия Креймера ежедневно ученики одной из школ посещают Клуб и слушают беседу об истории города, знаменитых одесситах. Не стало Аркадия, но дело живет. Уже Леонид Рукман беседует со школьниками. Опыт показал, что восьмиклассникам (а это урок в программе 8-го класса) интересно всё, что связано с названием улиц, с историей Одессы.

Мы хотим, чтобы Одесса стала крупнейшим туристическим центром Украины — давайте приложим к этому усилия. И будем считать, что реставрация аркады — знак начала этой большой работы.

Шаг за шагом — другого способа нет.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.
Фото Олега Владимировского.

Журнал "Октябрь" отпраздновал свое 90-летие

"А теперь в "Октябре" царит дабаде лето. Слава Богу!" — воскликнул Андрей Битов в миниатюре "Парадоксов друг".

И все творцы юбилейного номера словно приняли сеанс мистического колдовства. И 90-летний толстяк "Октябрь" намалодел, столько озорства, абсурдистской игры воображения вдруг отыскали в себе и вокруг писатели, поэты, художники, стараясь представить мастерам короткого сюжета, а точнее — с ладонь.

Этому празднику творческого единства содействовала, конечно же, женщина — яркая, изящная и мудрая Ирина Барлеттова, главный редактор журнала. Вторыми поджигателями идеи выступили беллетрист Владислав Отрошенко, отхвативший в свое время итальянскую премию. Он и сам с легкостью мастера создал целый цикл миниатюр "Фигуры Дона".

90 авторов протянули свои ладоны и огонь воображения 90-летнему журналу. Художник, академик живописи, несравненная Татьяна Назаренко, чья окольцованная ладонь стала рисунком и страницами для миниатюр, считает: "90 лет — ведь это не возраст". Ее рисунок согреет нежным обаянием влюбленных.

Уважаемый Леонид Менделевич!

Добро. Снадет жара, обязательно зайду в гости.

У нас может быть много общего и полезного. Жаль, что часть моего старинного архива фото старой Одессы пока мало используется.

Мнева большой все же стаж коллекционера, не знал, что существуют, по Вашим словам, десятки тысяч фото нашего города конца XIX и начала XX века, а также оккупации. На этом фоне где же наш порт?

Весьма мало видов, фото порта и кораблей.

aodaynik aodaynik@mail.ru.

Леонид, добрый день!

15 августа в Ульяновске отпраздновали 150-летний юбилей архитектора Августа Шодэ (Август Шодэ родился и учился в Одессе).

Здания, построенные в Ульяновске по проектам архитектора, стали главными лицами праздника.

Потоками архитектора Августа Шодэ приняла участие в торжествах, посвященных его 150-летию, в Ульяновской области.

Центральным событием стала передача родственникам Шодэ сертификата о присвоении (по ходатайству Союза архитекторов региона в 2014 году) ему звания "Почетный гражданин города Ульяновск", которая состоялась 15 августа в рамках "Вечера признательности Шодэ".

"Я благодарна, что в Ульяновске большое внимание уделяется сохранению культурного наследия и, в частности, творчества моего деда. Для меня вы подняли его имя из небытия", — прокомментировала внучка архитектора Лида Шодэ.

Леонид, диски мы получили вовремя, спасибо! Передала экземпляр правнучку Шодэ — Александру Сергеевичу Зисману.

Сюжет показали во время торжественного вечера, на большом экране — вышло очень душевно, спасибо!

С уб. — Marina Uraltseva.
marina_uraltseva@mail.ru.

Уважаемые одесситы!

Я пенсионер, занимающийся изучением истории своего села Козаровичи на Киевщине. На электронных страницах альманаха "Дерибасовская — Рихельевская" есть воспоминания Елены Петровны Таленищевой о своих родителях — артистах цирка. Там же она пишет о других артистах (Петре Саланом). Так вот, в цирковом аттракционе Саланного (гонки на вертикальной стене) в 1951 — 1953 годах работал мой земляк Иван Мельниченко.

А мы готовим музей истории села, где будет раздел "Наши интересные земляки".

Великий Борис Мессерер нарисовал говорящие ладоны. Жесты пальцев тоже что-то нам рассказывают. И отлично в этом драгоценном соседстве воспринимается мгновенное мистическое видение Александра Иличевского "За краем". Загляните на собачий пляж у Айфо, где в великой задумчивости выглядывается за горизонт старый лабрадор. Собственную "Сказку про пятый палец" сочинил и проиллюстрировал Андрей Макаревич.

Поэт Санджар Янышев, лауреат молодежного "Примфа", в рассказе "Дробинка в утином пироге" заглянул в тайну бесплодного Бастияна Тлама, француза, попросившего лирического героя "оказать его семье некую донорскую услугу". И теперь, спустя восемнадцать "паршивых лет", лирический герой рассказа сдает себя образным цуком: "Вылавливай осколок зуба и неси его дантисту".

Художник Одесской киностудии Евгений Талубенко в миниатюре "Привязал к мизинцу" сотворил целую картину с жутковатыми подробностями. Он талантлив и знаменит, обладает престижными премиями: "Золотой Овен" за лучшую работу художника в фильме "Настройщик" и две "Ники" — за лучший сценарий и прекрасную работу художника в кино.

пература колеблется от 37,5 до 39,2 градуса. Тромбоциты и гемоглобин крови не имеют постоянных значений, они зависят от переливания крови и плазмы.

На утро сегодняшнего числа температура была 38,6.

Дату операции сообщить не могу, так как не имею данных от врачей клиники. Первоначально операцию назначали на 4 ноября, но, увы, донор отказался (без документального подтверждения). Располагаю информацией от врачей, по словам жены, которая находится вместе с дочерью в клинике, что найден новый донор. К сожалению, документально подтвердить не могу за неимением официальных справок из клиники, так же, как и дату проведения операции. Стоимость стерильного бокса в клинике — 1600 долларов США в сутки.

Что нам необходимо еще предоставить, чтобы Вы смогли поместить информацию на сайте клуба?

С уважением — Елена,
Благотворительный фонд "Пчелка"
+ 38 (094) 948 69 40, + 38 (048) 798 39 40, + 38 (098) 227 24 65.

mailto:pchelka_fond@mail.ru;
www.pchelka.ua;
daridobro.com.ua;
vk.com/pchelkafond;
www.facebook.com/pchelkafond.
БФ "Пчелка". pchelka_fond@mail.ru.

Хочу поделиться с Вами (а Вы, может быть, с читателями, телезрителями и радиослушателями) хорошей новостью.

Сообщаю, что после 17-летнего существования одесского журнала "Фонтан" в бумажном виде он перешел в электронное состояние и поселился в Интернете. Надеюсь, навсегда.

Да, нам известно, что очень многие жалуются о бумажном "Фонтане". Как мы их понимаем!..

Но при этом уверены, что и электронный "Фонтан" имеет свои преимущества.

Во-первых, его никто из соседей не сможет вытащить из почтового ящика.

Во-вторых, он со временем не загромодит антресоли.

И, правда, нельзя обмахиваться и убить муху, но, согласитесь, для этого есть другие печатные издания...

Но самое главное достоинство эл. "Фонтана" — то, что он (в айфоне ли, на планшете ли, в рабочем ли колпке) теперь всегда с вами.

И чуть Вам станет грустно или, не дай Бог, печально, вы можете тут же открыть наш сайт и, пусть на несколько минут, но все же забыть о неприятностях жизни.

Вот адрес нашего сайта:
fontan-humor-odessa.com.
WELCOME В СЕПЬ!

Журнал "Октябрь" многие годы сотрудничает с одесскими альманахами "Дерибасовская — Рихельевская", а также проводит совместно с Литературным музеем этого города прекрасные фестивали.

И в этом праздничном номере собраны друзья не только из Америки, Израиля, Франции, Англии, но и из милой сердцу Одессы.

Четырнадцать одесских художников и писателей откликнулись на приглашение и создали веселые и грустные, романтические и лирические рассказы с ладонь.

Много житейских обломков насобирали в сегодняшнем житейке наши писатели. Мне бесценным показалось публицистическое слово талантливой Валерии Пустовой "Великая легкость". Прочитав ее глубокое обобщение: "Навык великой открытости, наработанный информационным обществом, может быть изжит в политических разногласиях. Но в культуре теперь только он и работает. Быть открытым — и значит быть современным. Пришло время прощаться и отпустить, эпоха легкого сердца".

С пожеланием расцвета "Октябрь".

Наталья Дарыкина.

ЧИТАЙТЕ, ЗАВИДУЙТЕ!..
ЧИТАЙТЕ "ФОНТАН" И ЗАВИДУЙТЕ ЕМУ, У КОГО ЭТО ЕЩЕ ВПЕРЕДИ!
В ДОБРЫЙ ЧАС!..

Л. реф. "Фонтана" Валерий Каиб.

Посылаю небольшую часть из книги отзывов по лекциям с 8-ми классами 126 школ в учебном 2014 году к школьному предмету "Одесса — мой город родной".

М. д., возьмешь несколько отзывов в этот номер, а остальные — в следующий номер (если найдем деньги на выпуск газеты).

Большое спасибо за интересную лекцию. Творческого "напхления" Вам.

Всего самого наилучшего.

Юридический лицей.

Спасибо за информацию и гостеприимство. Школа № 77, 5-В.

Тончай Н.З.

Ученики 8-го класса, классный руководитель и учитель курса "Одесса — мой город родной" выражают огромную благодарность за сотрудничество со школами города.

Педагог-организатор Понеева Р.А.

Одесская общеобразовательная школа № 68, побывав во Всемирном клубе одесситов, ощутила подъем одесского патриотизма и выражает большую благодарность всем, кто это создал, организовал и ведет работу. Спасибо.

Спасибо за то, что вы есть!

Спасибо за то, что вы не даёте одесситам забыть свои корни, свою историю, будите интерес к своему городу у детей.

ОЗШШ № 68.

Общеобразовательная школа № 48
Огромное спасибо Всемирному клубу одесситов за то, что за короткое время поведали нам не только о сегодняшнем дне, но и о прошлом. У ребят появился огонек в глазах от этой встречи. Надеюсь на новые встречи.

Мы любим наш город. А теперь узнали о нем больше, узнали, как найти нужную нам информацию. Очень приятно, что есть такой клуб, который является сердцем нашей любимой Одессы.

Лицей "Приморский".

Спасибо Клубу за огромный вклад в сохранение и развитие истории нашей "жемчужины у моря".

Познавательная, интересная, увлекательная лекция вызвала огромный интерес у детей и бурное обсуждение!

Спасибо за ваш труд.

Школа № 51.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Катя ПИМЕНОВА

Путешественник и волшебник — Сергей Калмыков

День, когда я познакомилась с Сергеем Калмыковым, был идеальным — мягкий конец октября, дворик Одесского литературного музея, усыпанный яркими листьями. Скамейка, на которой мы сидели и беседовали, долго освещалась лучами нисходящего осеннего солнца. Мой уважаемый собеседник виделся мне в этом свете. А потом я поняла, что из него на самом деле исходит некоторое сияние. Только не визуальное, а смысловое. Это энергия, которую излучает человек, уверенный, прежде всего, не в самом себе, а в той самой жизни, которой он живет. Ну и в себе самом, разумеется. Легкость, интеллигентность, оптимизм и какой-то полноценный и непринужденный интерес к жизни — пожалуй, это я ощутила еще тогда, когда мы договаривались о встрече по телефону. Даже звучание голоса Сергея Викторовича было таким молодым... А ведь моему герою — 80.

По случаю юбилея и организовали фотовыставку в Литературном музее.

80 лет — 80 фотографий. Название "Промежуточный финиш" — иронично данное автором. Особенно обращает на себя внимание в комментарии к выставке упоминание о том, что в детстве он считал самыми необыкновенными и счастливыми людьми путешественников и волшебников. Профессия и любовь к путешествиям дали возможность Сергею Калмыкову побывать в самых разных местах; а фотоаппарат — прикоснуться к волшебству...

Как это часто бывает, именно то, что увлекает нас в детстве, со временем вырастает в нечто важное. Дом, где родился и живет сейчас Сергей Викторович, находится на улице Лазарева. Еще в 1908 году туда въехала его бабушка. Мать после войны занималась рукоделием: делала из лоскутов и картона декоративные настенные куклы — время было сложное... Затем работала в фотостудии на улице Степовой.

Отец окончил Одесский кинотехникум в начале 30-х по специальности "режиссер документального кино" и какое-то время работал на Одесской киностудии. Он купил Сергею его первый фотоаппарат — страшенький довоенный аппаратик "Турист", купленный на барахолке.

Возможно, именно эти обстоятельства и обусловили будущее страстное увлечение Сергея Викторовича художественной фотографией.

Мой герой рассказывал мне о своей жизни: о семье, работе, увлечениях — веселых и серьезных, об Одессе прежней и теперешней. И меня всякий раз не покидало чувство, что сложные жизненные истины Калмыков излагает как-то легко и понятно.

В 1941 году, когда в Одессу пришли румыны, они активно взялись за крещение детей в "большевистской" стране. Крестным маленького Сережи стал румынский майор Константин Мачука, который проживал в то время на квартире Калмыковых. Семья не смогла уехать из Одессы в эвакуацию, потому что за два месяца до начала войны на свет появился младший брат...

Большое влияние на формирование мировоззрения юного Калмыкова оказала тетя Сергея — сестра отца. Она научила его любить книги. Первой и самой любимой был учебник по естествознанию. А "Приключения Тома Сойера" и "Золотой теленок" до сих пор

остаются в числе самых дорогих. "Эти книги были прочитаны столько раз, что они просто рассыпались в руках", — улыбаясь, рассказывал Сергей Викторович. Сегодня он читает несколько книг: Ремарка (как сокрушается Калмыков — не в лучшем переводе!) и наших уважаемых земляков — Розенбойма и Авербуха. С удовольствием, всегда находя для этого время.

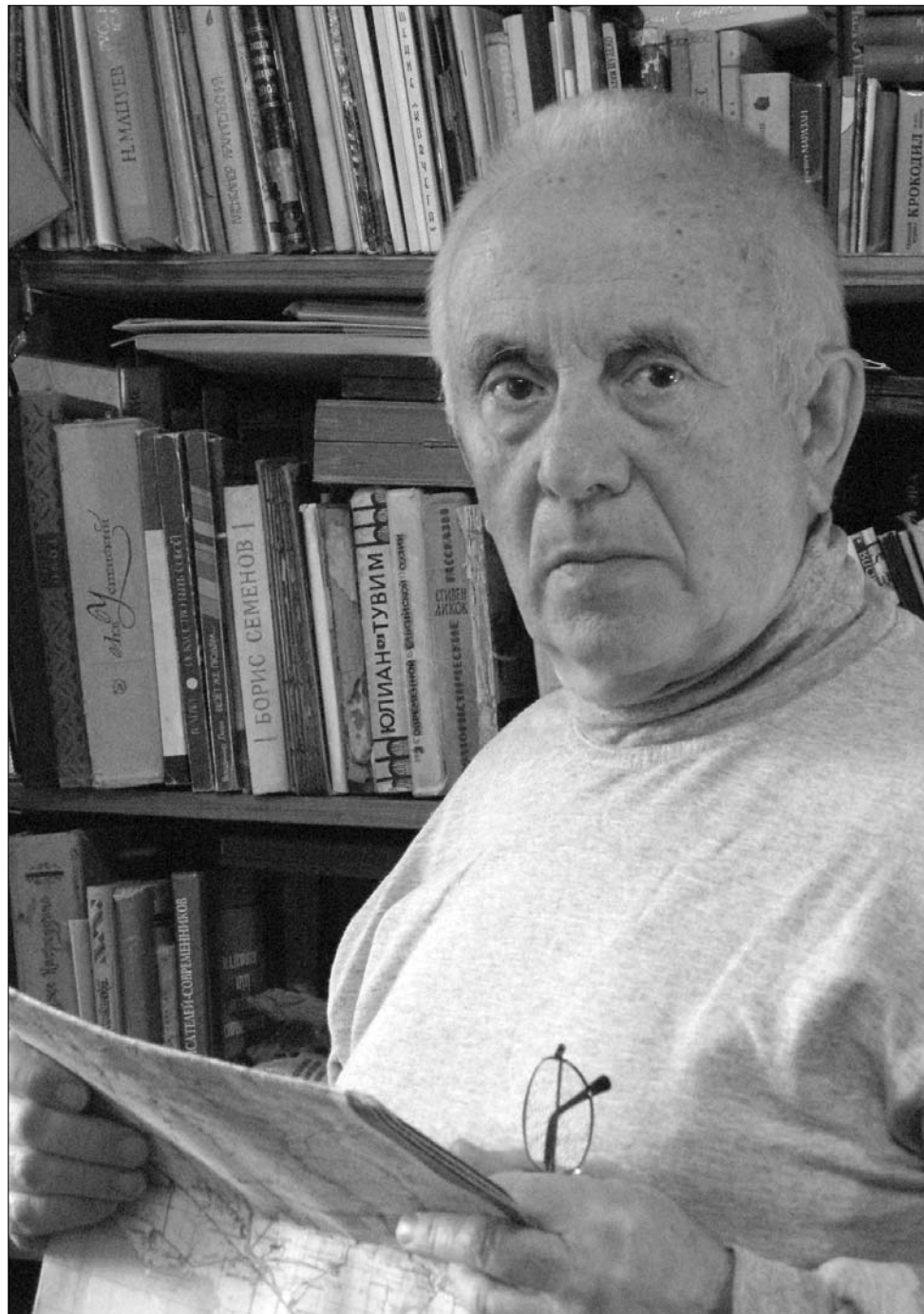
Еще Сергей Калмыков тепло вспоминает своих замечательных школьных и институтских преподавателей, которые заложили основы знаний и главное — непрестанного стремления к ним.

В юности, когда возник вопрос о выборе профессии, рассматривали варианты — юрист или юрист?! Но судьбе было угодно привести Сергея в гидромет на Чкалова, 2-а, на вечер открытых дверей. Показалось — очень интересно! Вопрос с будущей профессией был решен — океанолог, специалист гидрометслужбы. К моменту окончания вуза на распределении была возможность попасть на Дальний Восток — на отличную зарплату. Однако Калмыков предпочел любимый, романтичный Восточный Крым — Феодосию, обиталище Максимилиана Волошина и Александра Грина, многих писателей и художников. Но все-таки тянуло в Одессу: "Я по природе, наверное, сильный одессит — и я охотно вернулся. С восторгом!" — говорит Сергей Викторович.

В Одессе всегда были и есть люди, способные собирать вокруг себя тех, кто стремится и ищет. Одним из них был Александр Владимирович Блещунов — человек неслыханной эрудиции, открытый и увлеченный познанием. В его доме часто бывал и Сергей Калмыков. Рассказы о путешествиях и не только объединяли интересы Блещунова и тянувшейся к нему молодежи.

Посещения квартирных художественных выставок тоже ярко дополняли потребность того поколения в эстетическом и интеллектуальном, а особенно — в идейном просвещении. Даже был один случай в конце 60-х годов, когда собралась кучка молодых людей и начали обсуждать возможность издавать рукописный журнальчик — для самовыражения. Но об этом узнали в "соответствующих органах" и вызвали на разговор. После чего пришлось отказаться от подобной затеи. К счастью, всерьез никто не пострадал.

Та среда, в которой всегда находился Сергей Калмыков, была всегда созвучна его интересам. Рядом оказывались потрясающе талантливые люди. Очень теплые воспоминания остались о дружеском общении с Олегом Соколовым — легендарным одесским художником. Как и многие в нашем городе "посредники" — те, кто по средам приходил на встречи, организованные Олегом Аркадиевичем, Сергей Викторович с огромным интересом рассматривал альбомы и общался за чашечкой кофе с компанией таких же людей, стремившихся к познанию новых истин, не похожих на общепринятые... А если вдруг Соколов видел Калмыкова на улице, то мог крикнуть прямо с противоположной стороны: "Слушай!" — весело подражая свое желание поделиться какой-то хорошей новостью. Ярчайший талант, выдающийся неконформист, человек, способный творить за гранью логики, — так характеризует Сергей Викторович Олега Соколова.

И еще один круг потрясающих людей, собравшихся при геофизической обсерватории, на Французском бульваре, 89, где, по словам Сергея Калмыкова, дожила свой век "интересные старички": Б.И. Точидловский, Н.Н. Акимович и Т.И. Акимович. Всем им досталось от советской власти. Но эти открытые и душевные люди создавали особую камерную атмосферу, когда всем хотелось быть лучше — рядом с ними.

В последующие годы Калмыков работал в управлении морских путей (ЧерАзморпуть). Это давало возможность бывать во многих городах на Черном и Азовском морях и, конечно, повсюду фотографировать. Ну а если вдруг хотелось попасть в какое-то далекое и удивительное место — можно было собраться и отправиться в увлекательное путешествие. Однажды Калмыковы поехали в Мурманскую область, для того чтобы показать сыну... Лапландию! Потому что его любимой дошкольной книгой было "Путешествие Нильса с дикими гусями". В своих детях — сыне и дочери, говорит Сергей Викторович, они с женой старались пробудить разные интересы, потому что мир большой и интересов у человека должно быть много.

А сам Калмыков стал проявлять интерес к краеведению еще со времени, когда дружил с молодыми журналистами из "Комсомольской искры" — Евгением Голубовским, Юрием Михайликом, Семеном Лившиным. Друзья иногда просили сделать какой-то материал.

"Случайностей в жизни больше, чем мы себе можем предположить, — говорит Сергей Викторович. — Случайности ведут нас по жизни. Это такое стечение звезд..."

На мой вопрос, как же следует относиться к тому, что и с нашим городом, и с нами происходят такие кардинальные перемены в наше время, мой герой процитировал четверостишие Бориса Слуцкого:

Что-то физики в почете,
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете —
Дело в мировом законе...

И назвал это Законом Природы — люди должны меняться. "Иначе мы бы так и сидели в пещере, у гаснущего костра", — оптимис-

тично отметил Сергей Калмыков. Нельзя сказать, будет лучше или хуже — но будет иначе. Изменения неизбежны, происходит смещение акцентов...

При этом ностальгировать в хорошем смысле — дело каждого из нас: по тем временам, когда были, например, поэтические вечера, творческая активность была более выражена в Одессе. Но и теперь, считает Сергей Викторович, происходит много интересного — художественные выставки в Одесском музее западного и восточного искусства, в Художественном, во Всемирном клубе одесситов. Концерты в филармонии и другие музыкальные вечера собирают много слушателей разных возрастов. Что же касается нового поколения исследователей истории Одессы, увлечения краеведением — к моему приятному удивлению, Сергей Калмыков называл наших добрых друзей: Евгения Деменка, Александра Дмитренко и Сергея Седых. В каждом из нас, считает он, есть своеобразный "червячок" — тот самый познавательный интерес, который заставляет стремиться к познанию нового, неизведанного.

Нельзя успокаиваться и быть между кухней и телевизором; отсутствие сытой успокоенности — вот что важно для современного человека. Тем более если он — настоящий одессит.

И еще одна яркая страница биографии Сергея Калмыкова, о которой я узнала совершенно случайно, рассматривая фотографии на выставке — это участие в КВН с 1966-го по 1971 год. В то самое время, когда одесская команда КВН блистала на всесоюзных первенствах. Семен Лившин "втащил" Сергея в авторскую группу. Чем же они там занимались? "Сидели и балдели — а потом что-то получалось!" — отвечает Сергей Викторович. При этом скромно отмечает, что не очень любил яркий свет прожекторов. "Ну, было. Ну, спасибо!"

И самое удивительное, что когда я увидела кавээнзовскую фотографию, на которой — Валентин Крапива, Сергей Калмыков и Семен Лившин, я вдруг поняла, что этот удивительный и прекрасный человек — Сергей Викторович Калмыков — мало изменился за последние... 40 лет.

На фото (слева направо): Валентин Крапива, Сергей Калмыков и Семен Лившин. Чей нос выглядывает из-за Лившина — установить не удалось.

Александр ДМИТРЕНКО

Настольные медали Одессы

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Начиная работать над книгой "Настольные медали Одесского региона", я и не предполагал, что мне удастся так углубиться в своих изысканиях в историю нашего края и прийти практически к истокам создания, становления и формирования как всей южной части империи, так и Одессы в частности. Признаться, боялся исследовать этот период, но мои опасения оказались напрасными.

Медали императорского периода описаны и каталогизированы современниками Ю.Б. Иверсеном, И.М. Холодовским, Н.Н. Годлевским, В.П. Смирновым, опубликованы во многих изданиях того времени, начиная от пятитомника "Собрание русских медалей" 1840 — 1846 гг. и заканчивая современным каталогом в 7 томах М.Е. Дьякова "Медали Российской Империи", изданным в 2004 — 2007 гг.

Настольные медали для этой части описаны и нашим земляком — исследователем, популяризатором и коллекционером одесской фалеристики Виктором Корченовым, ныне живущим в США. Мне оставалось только детализировать и систематизировать уже описанное ранее.

К сожалению, отдельного, обобщающего исследования памятников истории в медальерном искусстве по нашему региону не было.

Медали, выбитые в императорский период, условно делятся на две группы. Первая — медали в честь видных государственных деятелей нашего края, вторая — медали одесских обществ: памятные, к юбилеям этих обществ или наградные (премиальные) за участие в выставках, успехи в учебе и т. д. Отдельно и как бы "особняком" находятся 3 медали, выпущенные к столетию основания Одессы, в 1894 году.

Речь в этой статье пойдет о трех государственных деятелях, непосредственно связанных с историей нашего края и запечатленных на настольных медалях. Это Арман-Эммануэль дю Плесси Ришелье, на русский манер Ришелье Эммануил Осипович, или в просторечии дюк де Ришелье (1766 — 1822), Михаил Семенович Воронцов (1782 — 1856) и Александр Васильевич Суворов (1730 — 1800).

Оговорюсь сразу: последовательность описания медалей не всегда совпадает с исторической хронологией появления того или иного героя в нашем регионе, в честь которого эта медаль выбита.

Начнем с настольных медалей, выбитых на Парижском монетном дворе в 1818 году в честь Михаила Семеновича Воронцова — командира русского оккупационного корпуса, расквартированного во Франции в 1815 — 1818 гг., к тому времени уже прославившегося крупного военачальника, героя Бородинской битвы и Битвы народов под Лейпцигом, будущего генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабии, светлейшего князя, генерала-фельдмаршала. Трудно переоценить вклад Воронцова в развитие нашего города и края в целом, принято считать, что годы его правления — это "золотой век" Одессы.

раскинулась вдоль "бельгийской" границы на территории длиной в 120 км, средней шириной в 40 (от 20 до 60) км.

При прощании с корпусом жители Мобежа, Като-Камбрези, Авена, Валансьенна и др. городов изготовили медали с изображением М.С. Воронцова и выразили ему свою благодарность. Офицерам, командовавшим крепостями Живе, Ретеля и Рокруа, вручили почетные шпаги. На встречах пели песню Беражане "Священный союз народов". (Брейяр Ж. "М.С. Воронцов в Мобеже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции. 1816 — 1818 гг." // Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронцовского общества. СПб., 2000. Вып. 5. С. 130 — 146.)

Перед возвращением на родину, в 1818 году, Воронцов распорядился собрать сведения о долгах офицеров и солдат его корпуса французам и оплатил их из своих средств. По сведениям исследователя одесской фалеристики Виктора Корченова (это высказывается и в статье Людмилы Третьяковой "Невольник чести", опубликованной в журнале "Вокруг света" № 4 (2727) за апрель 2001 года), долгов набралось на полтора миллиона рублей ассигнациями. Эту сумму он получил, продав большое имение Круглое, оставленное ему по завещанию его тети — княгини Екатерины Романовны Дашковой, первого президента Российской Академии наук.

15 октября 1818 г. Воронцов отдал приказ по корпусу о возвращении в Россию.

В биографии М.С. Воронцова, составленной М.П. Щербининым и вышедшей в Санкт-Петербурге в 1858 году книге "Биография Генерал-фельдмаршала Князя Михаила Семеновича Воронцова", читаем (с сохранением орфографии и пунктуации оригинала): "...за сохранение в войсках строгой подчиненности и необыкновенного порядка, награжден орденом Св. Владимира 1-й степени..."

Трехлетнее пребывание Графа Воронцова во Франции во главе русских войск, останется навсегда драгоценнейшим для всех имевших счастье с ним там находиться... Великолепная ваза, с высочайшего соизволения поднесенная ему всем корпусом с именованием частей, оных составляющих и украшающая дом его в Одессе, есть драгоценное свидетельство признательности и любви, им приобретенных от своих подчиненных. Не менее исполненную уважения память оставил он о себе навсегда в сердцах Французов. Она высказалась адресами от многих городов и медалями, выбитыми в честь его и славного им предводительствуемого войска...

В 5-м томе "Собрания русских медалей", изданного по высочайшему повелению Археологической комиссии в Санкт-Петербурге в 1846 году, на стр. 99, под №№ 57, 58 описаны эти медали (рис. 1).

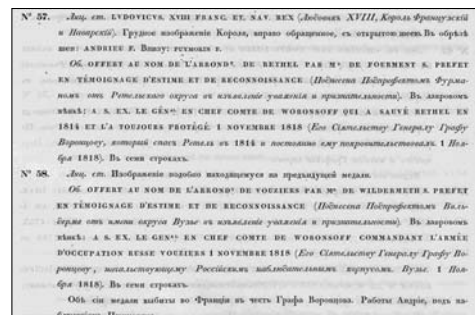

Рис. 1. Фрагмент стр. 99 т. 5 "Собрания русских медалей", С-П, 1846 г.

В статье Н.Н. Мурзакевича (профессора Новороссийского университета, вице-президента Одесского общества истории и древностей) от 21 апреля 1868 года "Медали, относящиеся к деятелям Новороссийского края", опубликованной в 7-м томе "Записок Одесского общества истории и древностей", на стр. 222 — 224 описаны и даны прорисовки медалей, находящихся в коллекции городского музея древностей, основанного в 1825 году Одесским обществом истории и древностей, в том числе — 2 медали в честь графа Воронцова, выбитые в меди.

Штемпеля этих медалей и размеры полностью совпадают с экземплярами, описанными Ю.Б. Иверсеном на стр. 117 в главе ХСІХ 1-го тома каталога "Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц", изданного в Санкт-Петербурге в 1880 году, и И.М. Холодовским, Н.Н. Годлевским в каталоге 1912 года "Нумизматические памятники Отечественной войны. Описание медалей и жетонов 1812 — 1912 гг.". В этом издании уже говорится о золотых медалях: "Перед уходом русских войск из Франции, в конце 1818 года, графу Воронцову в благодарность

за поддержание во все время оккупации дисциплины в русском войске, благодаря чему сохранились хорошие отношения между русскими войсками и жителями округов Ретель и Вузье, в которых были расквартированы наши солдаты, от этих округов были поднесены золотые медали".

Рис. 2. Медаль "Его Сиятельству Генералу Графу Воронцову, который спас Ретель в 1814 и постоянно ему покровительствовал. 1 Ноября 1818".

Рис. 3. Медаль "Его Сиятельству Генералу Графу Воронцову, начальствующему Российским наблюдательным корпусом. Вузье. 1 Ноября 1818".

Таким образом, медали от благодарных жителей Вузье и Ретеля в честь Михаила Семеновича Воронцова отчеканены в 1818 году на Парижском монетном дворе медальером Б. Андрие, диаметром 50 мм, в меди, весом 63,9 г (рис. 2), и в золоте, весом 119,3 г (рис. 3).

Не мог не процитировать слова его современника Ушакова С.И. в биографическом справке Воронцова, в изданной в 1822 году книге "Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопа-

мятную войну с Францией, в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. С кратким начертанием всей их службы, с самого начала вступления в оную". (Ч. 4. — С. 54) "Имя графа Воронцова не преминет блистать в лице героев, коим не только соотечественники, но и иноземцы не откажут никогда в должной дани — признательности и уважении". И жители нашего города продолжают чтить память о Михаиле Семеновиче Воронцове и поныне. Хотя надо признаться, что в медалях это почтение выразилось спустя почти два столетия.

В 2012 году по инициативе Сергея Гриневецкого агентством "Контекст-Причерноморье" учреждена Почетная медаль имени генерал-губернатора М.С. Воронцова "За вклад в развитие Одесского региона" (рис. 4). Автор дизайна медали — председатель одесского отделения Национального Союза дизайнеров Украины, автор мемориальных досок Леониду Пастернаку и Модесту Табачнику, многочисленных знаков, медалей и символики Одессы и области Леонид Лазаревич Брук. За основу барельефа для медали использовалось изображение М.С. Воронцова на картине известного английского портретиста Томаса Лоуренса, написанной в 1821 году, когда Воронцов был в Англии.

Медаль была отлита в Киеве, в фирме "Герольдмайстер", из серебра 925-й пробы, весом 235 г, диаметром 70 мм. Для награждения руководителей области прошлых лет была отлита памятная бронзовая посеребренная медаль, идентичная первой. Тираж этих медалей — по 10 шт.

Рис. 4. Почетная медаль имени генерал-губернатора М.С. Воронцова "За вклад в развитие Одесского региона". 2012 год.

2 марта 2012 года в Одессе состоялось первое награждение 5 лауреатов Почетной медали и 8 бывших руководителей Одесской области, а 17 мая 2013 года в отставленном отеле "Бристоль" прошла вторая торжественная церемония награждения Почетной медалью еще 5 лауреатов.

Ришелье Эммануил Осипович прибыл в Одессу в 1803 году, и его по праву можно назвать первым градоначальником Одессы. 11 лет строивший наш город, заложивший Дюковский сад. Под его руководством удалось локализовать эпидемию чумы, именно его ходатайства спустя несколько лет реализовались в порто-франко и Ришельевском лицее — одним из первых лиц в России. Только предложенные должности премьер-министра и министра иностранных дел Франции заставили дюка де Ришелье покинуть Одессу в 1814 году, но и находясь у вершин власти во Франции, Ришелье не забывал ставшую ему родной Одессу. Спустя 8 лет, выйдя в отставку, герцог де Ришелье принимает решение навсегда вернуться в Одессу, но его планам не суждено было сбыться.

В ночь на 5 (17) мая 1822 года он скоропо-

Le duc de Richelieu

стижно скончался от "апоплексического удара" — кровоизлияния в мозг. Похоронен первый градоначальник Одессы в Париже, где на территории известного Сорбонского университета находится усыпальница рода Ришелье.

По этому печальному поводу на Парижском монетном дворе по инициативе и за деньги аббата Николя, первого директора Ришельевского лицея в Одессе, медальером Дьедонне выбита бронзовая памятная медаль диаметром 42 мм (рис. 5).

Рис. 5. Памятная медаль в честь дюка де Ришелье, 1822 год.

Лиц. ст.: Основатель Одессы в 1803 г. Ввел образованность в Крым. Первый министр короля французского в 1814 г. Освободитель страны своей в Ахене. Родился в Бордо в 1766 г., скончался в Париже в 1822 г.

Об этой медали говорится и в 5-м выпуске "Собрания русских медалей" 1846 года (№ 61, стр. 100), и в уже упомянутой статье Н. Мурзакевича 1868 года (стр. 223), и во 2-м томе "Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц" Ю. Иверсена (СССХСХ, стр. 152). О ней писали и наши современники В. Корченков ("Одесса в медалях, жетонах, знаках. 1817 — 1917 — 1941". — N-Y (Laocoon), 2000 (№ 1, стр. 21) и Ростислав Александров ("Познай лик благодетеля Вашего..."/ "Всемирные одесские новости". — сент. 2014. — № 3 (89)).

Первое упоминание об этой медали найдено в газете "Одесский вестник" от 3 августа 1827 года, и связано оно с закладкой памятника дюку де Ришелье 30 июля 1827 года — первого памятника в городе, открытого 22 апреля 1828 года.

Цитирую Александрова: "После молебствия и освящения места будущего памятника духовные и начальственные лица спустились в котлован и в углубление самого большого камня уложили то, чему предназначено было оставаться там все остальные времена. Положены были монеты, чеканенные во Франции и России при Людовике XVI, Екатерине II,

Павле I, Александре I и Людовике XVIII, которым Дюк имел честь и верность служить за последние пятьдесят шесть лет своей жизни, и несколько серебряных российских монет 1827 года. Помимо монет положили выпущенную на Санкт-Петербургском монетном дворе медаль "В память коронации императора Николая I 22 августа 1826 года" и другую, которую привезли из Парижа". Это и была наша медаль.

Кстати, в указанном труде Иверсена, на стр. 153, упоминается еще одна медаль, посвященная Ришелье, диаметром 51 мм (рис. 6).

Рис. 6. Медаль в честь дюка де Ришелье. 1824 год.

Автору так и не удалось найти эту медаль. И еще один любопытный факт: памятных медалей с изображением герцога де Ришелье больше не встречалось, а вот памятник ему использовался уже в современных настольных медалях советского и украинского периода довольно часто как олицетворение города и один из главных его символов.

Александр Васильевич Суворов. Первые медали нашего региона связаны с памятным событием — взятием русскими войсками под руководством генерал-аншефа А.В. Суворова турецкой крепости Измаил 11 декабря 1790 года.

Медалей, посвященных Суворову и его подвигам, не так уж и мало. Но, напомним, нас интересуют только те, которые относятся к нашей области.

И, как оказалось, их всего 6 (по 3 в бронзе и серебре) конца XVIII столетия, одна — в честь открытия памятника Александру Суворову в Рымнике в 1913 году, созданная одесским скульптором Б. Эдуардсом, одна — в 1980 году — одесским медальером Б. Кушником, одна (в трех вариантах покрытия) — в 2004 году самарским медальером А. Абрашиным. Еще была сделана в 1990 году на Одесской ювелирной фабрике сувенирная памятная медаль, посвященная 200-летию штурма крепости Измаил.

В 5-м выпуске "Собрания русских медалей" 1846 года (№ 41, стр. 69) находим описание оригинальной памятной медали 1790 года (рис. 7).

№ 41. -Лор. ст. ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ РЫМНИКСКИ ГЕН: АНШЕФЪ. Грудное изображение Грфа Суворова, вправо обращенное, съ открытою шапою и трубою; на плечах лавровая коза. Внизу: ЛЕВЕНСКИ.

ОБЪ. ст. ПОВЕДЕНЪ. На лавровомъ вѣнцѣ висятъ четыре цѣта съ надписью: ФОРСАНИ, КИЕВЪ, ИЗМАИЛЪ, РЫМНИКЪ. Въ вѣнцѣ лавровыя вѣтви и труба. Въ овалѣ: въ 1787, 1789 и 1790 годахъ.

Рис. 7. Описание медали А.В. Суворова, 1790 год, граверы К. Леберехт и И.Б. Гасс.

Иверсен во 2-м томе "Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц" 1883 года (DLXVI, стр. 219) указывает и на два других штемпеля, которые копировали с оригинала граверы М. Кучкин (рис. 9) и А. Приткой.

1) Лор. ст. ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ РЫМНИКСКИ ГЕН: АНШЕФЪ. Грудное изображение Грфа Суворова, вправо обращенное, съ открытою шапою и трубою; на плечах лавровая коза. Внизу: ЛЕВЕНСКИ.

ОБЪ. ст. ПОВЕДЕНЪ. На лавровомъ вѣнцѣ висятъ четыре цѣта съ надписью: ФОРСАНИ, КИЕВЪ, ИЗМАИЛЪ, РЫМНИКЪ. Въ вѣнцѣ лавровыя вѣтви и труба. Въ овалѣ: въ 1787, 1789 и 1790 годахъ.

Надъ оваломъ вправо: г. в. о. (Юлианъ Вайнманъ Сави).

Медаль эта "у" изображена на табл. XLII, № 6. Вспомогат. ст. 8. Съ лицевой стороны этой медали высекались копированные именные, на которыхъ надъ груднымъ изображениемъ высекало слово: Леберехтъ читается — на одной: с. л. г. Кучкинъ, на другой: А. Приткой.

Рис. 8. Фрагмент стр. 219 т. 2 "Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц", Ю. Иверсен, 1883 год, с указанием копий.

Подтверждает эту информацию М.Е. Дьяков в современном каталоге "Медали Российской Империи", часть 2 (1725 — 1796), 2005 (№№ 223.1, 223.2, 223.3, стр. 228 — 229). Он также указывает, что все три медали того же штемпеля и размера в 79 мм были выбиты и в серебре, и в бронзе.

Рис. 9. Медаль, посвященная победам А.В. Суворова, 1790 год. Граверы: М. Кучкин и И.Б. Гасс.

Другая медаль, созданная в 1913 году, выбитая в бронзе, весом 93,1 г, диаметром 65,2 мм. "В честь открытия памятника графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на поле сражения под Рымником. 1789 — 1913". Благодаря усилиям В. Корченкова (№ 22, стр. 36 — 37) удалось установить автора этой медали, коим является Б. Эдуардс (1860 — 1924) — художник-скульптор, академик, он же и автор памятника Суворову в Рымнике. Медаль была выбита в Германии (королевство Вюртемберг), в Штутгарте, в фирме "Mayer & Wilhelm", о чем свидетельствует монограмма на лиц. ст. под обрезом справа: "M. & W. ST." (рис. 10).

Рис. 10. Медаль в честь открытия памятника А.В. Суворову под Рымником, 1913 год. Лицевая сторона.

В вышеупомянутом каталоге М. Дьякова (№ 1562.1) указывается, что медаль в таком же размере и тем же штемпелем была выбита и в серебре. К сожалению, автору не удалось найти ни подтверждающих сведений, ни саму серебряную медаль Б. Эдуардса.

И несколько слов о современных настольных медалях, посвященных А.В. Суворову.

В 1980 году одесским медальером Борисом Кушником создана медаль, посвященная 250-летию со дня рождения А.В. Суворова, из сплава цветных металлов, диаметром 60,5 мм, с девизом на об. ст.: "Потомство мое просит брать с меня пример" (рис. 11).

Рис. 11. Медаль в честь 250-летия со дня рождения А.В. Суворова, 1980 год. Автор Б. Кушник.

В 1990 году на тогда еще мощном, с большим творческим и производственным потенциалом Одесским ювелирным заводе была отштампована медаль, посвященная 200-летию штурма крепости Измаил (рис. 12).

Рис. 12. Медаль к 200-летию штурма крепости Измаил, алюминий анодированный, лак, вес 61,3 г, диаметр 75 мм, 1990 год. Гравер М. Пашковский.

И, наконец, уже совсем недавно, в 2004 — 2005 годах, медальером из Самары (Россия) Александром Владимировичем Абрашиным вырезан штемпель медали, посвященный военным победам А. Суворова, в том числе и взятию крепости Измаил. Автор указал годы жизни 1729 — 1800, хотя до сих пор не утихают споры исследователей по поводу даты рождения: 1729-й или 1730-й. Медаль изготовлена чеканкой, диаметром 50 мм, в трех вариантах покрытия: 5 экз. в меди, 5 — в меди, серебрение (рис. 13), 5 — в меди, серебрение с золочением портрета (вес 72,8 г).

Рис. 13. Медаль, посвященная ратным подвигам А. Суворова, 2004 — 2005 гг. Автор А. Абрашин.

Александр ДОРОШЕНКО

ДАЧИ

*Ты помнишь дачу и качели
Меж двух высоких тополей,
Как мы взлетали, и немели,
И, удержавшись еле-еле,
Смеялись.*

*А потом сидели
В уютной комнате твоей.
Был час, когда река с луною
Заводит стройный разговор.
Когда раздумывать не стоит
И виснут вишни за забор.*

*Здесь, ни о чем не беспокоясь,
Торжествовала... тишина.*

*— На дачку едешь наудачку, —
Друзья смеялись надо мной:
Я был влюблен в одну чудачку
И бредил дачей и луной.
Там пахло бабушкой и мамой,
Жила приличная семья.
И я твердил друзьям упрямо,
Что в этом вижу счастье я.
Не понимая, что влюбился
Не в девушку, а в тишину,
В цветок, который распустился,
Встречая летнюю луну.*

*Здесь, ни о чем не беспокоясь,
Любили кушать и читать.
А я опаздывал на поезд
И оставался ночевать.
Я был влюблен в печальный рокот
Деревьев, скованных луной,
В шум поезда неподалеку
И в девушку, само собой.*

Всеволод Багрицкий.

Исчезнет понятие "дача". Это старое и еще дореволюционное слово (в старой России дачей называлась взятка). Дачи, собственно, есть везде. Но наша фонтанская дача — это мир, особый и чудный. Нигде не бываемый больше. Это не был просто район летнего отдыха, как бывает в иных городах: была это особая форма жизни. Иные ее психология и качество. То, что строят сегодня нувориши на Фонтанах, это не дачи — так, дворцы за глухими стенами, с вертухаями в угловых охранных будках, с надменными холуйскими мордами.

Дачи на Фонтане — это были районы одноэтажных домиков, строенных из ракушечника, с толстыми стенами, просторными верандами в окружении основательных и толстых колонн, с мезонином на крыше. В таких домиках в летнюю жару было всегда прохладно и хорошо дышалось — дышал раку-

шечник. У каждого такого домика был участок земли, густо засаженный фруктовыми деревьями: вишнями, черешнями, абрикосами — и всякими понизу овощами. Там была веранда у входа и, если позволял участок, белела из дерева сделанная беседка среди зелени кустов и деревьев. Среди розовых клумб и жужжащих на солнце шмелей. Вечерами там собирались семья и гости, горела над столом лампа, летела на ее свет мошкара, и шло застолье с чаепитием. Дождем намокала листва, и низко к влажной земле наклонялись отяжелевшие ветви, а запах роз становился особенным, дождевым и пряным.

Дачная неповторимая незабвенная наша жизнь.

Это так было всегда, и задолго до нас — есть на полотнах Костанди и Дворникова наши дачи до революции: веранда, утро, стол, и на столе накрыт чай. Узкий самовар с ручками из слоновой кости. "В аллеях, укрытые зеленью, белели плетеные кресла. Обеденный стол был покрыт цветами, окна обведены зелеными наличниками. Перед домом просторно стояла деревянная невысокая колоннада" (Исаак Бабель. "В подвале"). И стулья там стояли такие же (они еще уцелели с тех времен, венские, гнутого дерева, постаревшие и поэтому попавшие в опалу на дачи, уступив место новым в четиры ноги наглем, но все еще и надолго крепкие и верные дачные наши стулья. Венскими их звали по имени первой крупной фабрики Тонета в Вене. Сколько себя помню, они жили с нами, безропотно сносили на себе покачивание подростков, тяжесть посадки ученого мужа и веселье застолья. Иногда на них становились ногами, прибывая картину или развешивая занавес на окнах, и тогда они покорно скрипели своими изящными сочленениями. Но иногда, я помню... Как много слышали они и увидели за это прошедшее столетие! Теперь с нами они тоже уходят).

Чаще всего эти дачные домики разделены были на четвертушки, и с каждого угла открывалась отдельная дача со своим участком земли. Ограждены были участки деревянными палисадниками, крашенный штакетник утопал в зелени и колючках непроницаемо глухих кустов, чтобы никто не заглядывал посторонний в дачную жизнь.

(На калитках висели таблички с именами владельцев, и как-то я по дороге на море, перечтя эти имена, сочинил эпиграмму: "Здесь живет один Андреев, он живет среди евреев".)

Выбирались на дачу с мая (но разговоры об этом событии начинались много раньше, с первыми теплыми днями весны), переезжали женщины с детьми, а мужчины на дачу наезжали после работы, и только в отпуск все собирались вместе. Несколько недель перед выездом на дачу туда ездили по воскресным дням приводить все в порядок. Белили и красили, поправляли заборы, сжигали прошлогоднюю листву. Так работали весь день, а вечером садились перекусить и выпить. Пахло паленой листвой, руки были в следах неотмытой краски... Боже мой, как вкусно все было после дня, проведенного в работе на дачном воздухе!

Весенний трамвай, открытый настежь вагончик, весело бегущий на Большой Фонтан.

А ты сидишь, запахнувшись в теплую полу и воротник куртки, щуришься от солнышка, куришь. А трамвай пишет зигзаги и выписывает восьмерки, и они всегда так необычны для нас, жителей прямоугольных городских улиц, так пленительны!

Написал и решил, прислушавшись к холодному законному дождю: в ближайшие дни, когда распогодится, когда выглянет и сразу все согреет и высушит солнце, отложу все дела, прихватив собаку, и поедем мы с ним на Фонтаны, поедем по-старому, не наспех таксомотором, но, добравшись до вокзала, сядем в открытый летний трамвай. И — поедем! Выставит в открытое окно любопытный нос моя собака. А там, за этим окном, запахи — свежей травы и дымка от паленой прошлогодней листвы. Рука моя ляжет любовно и нежно на шею собаки, поглаживая и перебирая его курчавую шерсть.

Потом нанимали машину и переезжали. Машина нужна была потому, что боялись на зиму оставлять на даче холодильник и телевизор, из-за зимнего воровства, и нужно было захватить с собой много вещей. Теплую одежду, на случай дождя и холода, всякие одеяла и пледы. Переехав, устанавливали все на места, расставляли кресла и шезлонги, и начиналась дачная жизнь.

Одни ходили на пляж поутру, встав спозаранок, и тогда могли встретить солнце, как оно поднимается и накатывается на море и пляжный песок, постепенно все согревая. И можно было плыть навстречу солнцу по солнечной дорожке. Другие ходили вечером, когда спадала дневная жара и убавлялось число пляжников. Пляж становился чистым от людей, тихим, и море становилось похожим на море. И тогда можно было уплыть далеко-далеко и плыть по лунной дорожке. Такую лунную дорожку море протягивало только тебе, она была узкой и рассчитанной только на одного тебя. Всегда брали с собой большое махровое полотенце, потому что холодно было купаться ранним утром и поздним вечером.

Мы любили купаться в шторм, в его высоких и рвущихся к берегу волнах, накатывающих равномерно, мы с веселым смехом подныривали под эти набегающие волны, приносившие к их высоте и ритму, но вдруг из череды одинаково огромных, рассчитанных волн внезапно вырастал несущийся к берегу вал, вдвое крупнее их всех, и накрывал он тебя с головой, сбивал с ног, схватив и вынеся к берегу, мокрого, барахтающегося, веселого и испуганного. В такую высокую волну проще было уплыть в море, навстречу шторму, там волны не могут, упершись в дно, вырасти несоразмерно, там можно, умеючи, но с оглядкой на берега, слегка поиграть с рассерженным морем. И временами, оказавшись меж двух, одной прокатившейся и второй набегающей на тебя волной, ты переставал вовсе видеть берег, и вокруг были только волны и над головой низко несущиеся свинцовые облака. И замирало сердце от восторга и страха...

А если внезапно налетал летний сокрушительный в ярости ливень, когда некуда было спрятаться на открытом пляже, мы прятались в кульки и сумки одежду, а сами бежали к морю, где все равно было мокро, но всегда теплее, чем в потоках хлещущего наотмашь дождя...

И всегда весело смеялись, то ли обманув, то ли обнявшись с дождем...

(Так корабли в налетевшем внезапно шторме рубят якоря и уходят в бушующее открытое море, от смертельно опасных береговых скал.)

Но некоторые, настоящие дачники, купаться ходили редко или вообще несколько раз за весь сезон. Потому что круты на-

ши морские склоны, труден спуск, и еще труднее подъем. Потому что на даче, в ее прохладной зелени, и так хорошо — ветерок с моря, свежий и вкусный, покой, уют. Да и забот много — полить и обиходить кусты роз и всяких других цветов, накормить семью.

Море внизу стало черным, оттеняясь близкой гребешков волн. Потянуло прохладой. Ах, эти дачные вечера. Небо, опрокинутое, звезды, мерцающие в темной его синеве, и на соседней даче музыка... и женский голос, поющий о разлуке... Но только надежда на скорую встречу делает желанной разлуку.

С дачей был связан и временный переход на другой базар. Такие базары были на всех станциях Фонтана, небольшие, удобные. Самыми крупными были базарчики на Седьмой, Десятой и Шестнадцатой станциях. И всегда что-то поручалось привезти из города работающим членам семьи.

Были и еще купания — ночью. По темному и крутому склону к морю сбегала веселая компания, вставшая из-за праздничного стола. Был первый-второй час ночи, воздух был еще теплый, и море, внизу внезапно оказывавшееся прямо у ног, еще хранило дневное тепло. Оно было темным, глубокого темного цвета, много темнее ночного воздуха и поднимающихся склонов. Оно было живым и роковым. Море многократно отражало наши веселые голоса и смех отражало — так весело прыгает по воде брошенный горизонтально плоский камень, поднятый с песка. Так купались мы молодыми и красивыми и поэтому часто купались голыми, бросив кучей одежду на песке. Потом, наплевываясь и насмеявшись в прохладной теплоте морской воды, мы всегда долго искали эту одежду и не всегда все там находили. Темнога пляжа была вязкой и влажной, в нескольких шагах все терялось во мгле, и мы часто недосчитывались на время какой-нибудь пары, акая их и ругая наконец-то нашедшихся. И затем весело поднимались вверх по крутым склонам, шли босыми в мокром песке ногами, и голоса наши, как падающие с горы веселые камешки, многократно отражались от моря, неба и нашего неповторимого счастья.

(Этот морской песок на ногах — высыхали ноги, и он осыпался без остатка. Но не совсем: как-нибудь, залезая в ванну, присмотришься внимательно, и ты непременно увидишь песчинку на сгибе ноги, на голеностопе, слева, на левой ноге — это памятный знак, это наше море и звук его неповторимой волны, именно тот, услышанный однажды летней ночью, а все, что ты слышал в длинной своей жизни, это другое, и оно не в счет. Это метка, ты и я, мы отмечены каждый нашим морем в единственную дарованную нам ночь, в разное время нашей жизни, каждому, если он достоин, наше море дарит такую песчинку — и ты поставишь ее не потеряешь!)

Как легко дышалось на крутом этом подъеме, как вкусен и прохладен был морской воздух, как ласково гладили наши ноги ветви кустов... И сыпались с неба звезды над нашими головами, но мы даже не пытались их пересчитывать и подбирать, в уверенности, что так будет всегда — ночное и ласковое море и веселые голоса друзей. И этот подъем среди падающих, задевающих наши плечи звезд.

И потом в темноте ночной комнаты трудно было понять источник мерцающего пульсирующего света, где он, и вдруг на подушке ты находил маленькую звездочку, запутавшуюся в волосах подруги...

Странно и то, что перестали падать теперь эти звездочки, так много было их раньше, и все казалось — еще будут и будут...

Так жили на дачах. Иногда летом на неделю мог зарядить дождь. Становилось прохладно и очень сыро. К морю можно было идти только с зонтиком, одевшись во всякие свитера и ветровки, потому что на море был ветер, и он гнал с остервенением белые от злобы волны, разбивая волнорезы, пляжные топчаны и руша ограды. На море хорошо было смотреть сверху, с обрывов. В такие дни дачники ходили часто друг к другу в гости, выпить и поговорить. Шли гуськом узкими дачными дорожками, и мокрые ладони кустов норовили погладить щеку, лизнуть в шею, и все пахло влагой и мокрой землей...

В такую погоду хорошо пила водочка под маринованный крепкий и хрустящий огурчик, под раскаленную с жару колбаску, под великое и любовное чувство дружбы. Ходили в кино — на Десятую или Шестнадцатую станцию. Смотрели там всякую дрянь.

Боже мой, как хорошо бывало на даче в дождливую неделю! Как тихо и сладко читалось под монотонность падающего на землю дождя. Дождь был рядом с тобой, не где-то на улице, но вот здесь, он стоял за дверью, как пришедший к тебе уставший от

Лев Межбергер

одиночества гость. Открой дверь, выйди к нему на веранду поговорить, постой рядом с ним, покури. Ночной ветер порывами гнет к земле тяжелые от воды и уставшие сопротивляться ветви, и земля от воды уже тяжелая и сырая. Ветер забрасывает внезапно горстью воду дождя на веранду, тебе в лицо, чихает собака, и странное чувство возникает, что это, увидев тебя, так развлекается ветер, с тобою играя. Ему не холодно и не сыро — ему весело!

Ночной дождь — как неожиданное письмо от далекого друга, как колыбельная песня, и в ней нехитрый и простенький мотив:

От любви бывают дети,
Ты теперь один на свете.
Помнишь песню, что, бывало,
Я в потемках напевала?

"Ах, мой милый Августин,
Августин, Августин,
Все прошло, все ..."

— так наши далекие предки засыпали в своих пещерах, так во всех временах своего детства и юности утешался монотонным капельным звуком дождя человек. Великие пространства Вселенной начинались у его порога, не имевшие измерений, и спокойнее становилось в дожде измученному страхам сердцу, и верилось ему, что беды его преходящи, что мир велик и мудр и что "утро вечера мудренее"!

(Велик и непросто, под стать нам, наш русский язык: "мудренее" или "мудренее" может быть предстоящее утро — всего две точки над буквой, но каким различным оно будет, это предстоящее нам утро!

Впрочем, неважно — сегодня главное, что оно будет, наступит.)

И читать — читать! Полки книжные были удивительны на этих дачах. Десятилетиями туда свозили все, от чего освобождали парадные книжные полки городских квартир. Старые и потрепанные, дореволюционных изданий и часто уже без корешков, подшивки журнала "Нива" соседствовали с послевоенными подшивками "Огонька" (а там Сталин, и маршальская шинель Ворошилова, и требовательный Каганович, и интеллигентным видом Лаврентий Берия, единственный, кроме Анастаса Микояна, интеллигентного вида человек в этой камарилье, и дети, перволашки, выводящие первое в жизни слово "Сталин"...). А там Дюма в утраченном переплете и почему-то многотомный Брем с животными. Но вот сразу несколько военного времени "Огоньков", а это первая мировая война, и в ней чужая и такая далекая жизнь... Какая-то молоденькая дама на углу улицы 1914 года, в повороте угла, и ее случайный взгляд на фотографа, до ставшийся неожиданно мне. Молодая, стройная, и в глазах что-то такое, но ведь уже никогда нигде ее не встретить, не взять за руку, не заговорить, не рассказать, не понять, что там было, в этих глазах. Ах, это все дождь... ночной дождь... Ночью, в дождь, один на даче, как Робинзон в своей пещере на этом острове (интересно, как это он там более двадцати лет обходился без женщин вообще, до появления Пятницы в его жизни?... И это какая наглость колонизаторская — назвать живого человека Пятницей, а не каким-нибудь другим более подходящим днем недели!).

В те времена дачи мало разнились, так, одни были чуть побольше и побогаче, но все это было вровень, дачной великой республикой. И поэтому выросшие здесь дети не знали розни богатства и отчуждения бедности. В этих дачных районах основным было море, там, внизу, равномерно любящее всех и всем принадлежащее.

На этих дачах выросло множество поколений горожан, разлетевшихся теперь по всем горизонтам Земли, сколько их есть. Начиналось это детским ночным криком на одной из дач, и соседи так узнавали о новом поколении дачников. Потом, в очередной дачный сезон, малыш ковылял уже по продольной дачной аллее, местному бульвару, и все его видели и знакомились. Потом начинал бегать, ездить на трехколесном велосипеде, упрямо въезжая в дачные заборы, и дружить начинал со сверстниками, даже если родители знакомы не были вовсе. И так возникало великое дачное братство.

И первая любовь зарождалась здесь, на этой дачной аллее, ведущей к морю и счастью. И просто — брала шестилетняя девочка приятеля с аллеи за руку и приводила к себе на дачу, показать своих кукол, и сидели в сторонке родители, осторожно поглядывая на эту новую автономную жизнь, и шутили себе втихую, а шутить-то было и незачем!

И воздух этих незабвенных дачных вечеров, полумрак аллеи с пятячками света, выхваченными из темноты чередой качающихся лампочек, звездное небо, опустившееся к притихшей земле... И ты идешь прямо в прохладном пространстве неба, чуть сто-

роняясь пролетающих мимо звездочек, и слышишь тихие голоса, проникающие со всех сторон, из темноты скрытых за темными кустами дач, то тут, ручейком радиоразговора, то там, веселым смехом и женскими голосами... и перебор гитары... то ли еще Галич, то ли уже Высоцкий... и тонкая, упругая, звонкая нить нескончаемой песни сверчка... Эта песня на темной аллее об одиночестве, о том, что все еще сбудется, это сладкое чувство покинутости, предвещающее неизбежную встречу...

Приклеены к стеклам
Влюбленные пары,
Звенит палисандр
Дачной гитары:
"Ах, вам не хочется ль
Под ручку пройтись?"
Мой милый. Конечно.
Хотится! Хотится!

Еще как хочется!

Старый сверчок пел Буратино о тепле домашнего очага, пусть нарисованного, пусть в нарисованном этом котле не варится мясо и вообще ничего не варится, а дым, идущий из котла, не пахнет никакой вкусной пищей, но это твой дом, где тебя любили и любят, где тебя ждут глухой ночью, в ветер и злой бесконечный дождь, где тебя заботливо спросят, не устал ли... Ты переступишь порог, сбросишь мокрую одежду, наденешь сухую, сядешь к столу, возьмешь в замерзшие руки раскаленную чашку чая. И растворишься во всем этом, ни к чему не прислушиваясь, ничего не отвечая. И внезапно услышишь старую добрую песню сверчка — ты вернулся домой!

Никогда не позволяй себе даже думать, что дом твой разрушен, что тебя в нем никто больше не ждет!

Никогда не ругай свой старый дом. Услышав такую хулу, не вступай в пререкания с неблагодарным глупцом, отстранись. И не ной... Все там осталось, как было, пока благодарно бьется наше сердце, пока, не лукавя, помнит. Память сердца — большего нам не надо. И никому не дано! "Это было, было в Одессе ..." — с тобой и со мной! Было!

Но, когда вспомнишь внезапно среди дел и суеты мира по непонятной причине и без повода вовсе, вспомнишь ночную песню дачного сверчка, не беги к фотографиям и книжкам, чтобы подлечить память. Просто подними трубку, и набери номер, и спроси друга, спроси его: "Ведь это правда, на нашей дачной аллее, там, где она делает поворот вправо, по пути к берегу обрыва, когда-то стояла скамейка, покрашенная в зеленый цвет, со спинкой, и краска местами на ней облетела?" И друг твой на далеком ином континенте, подскочивший от полночного звонка, испугавший жену, спавшую рядом, прикрывая ладонью трубку и отдышавшись от внезапности вопроса, скажет тебе: "Точно..." И тихо добавит, никак не обидевшись: "А ты знаешь, ведь совсем недавно я тоже ее вспомнил, ведь как это странно — там на спинке еще была надпись..."

И потом, погасив свет и на вопросы раздраженной жены ничего не ответив, он долго будет лежать, твой старый друг, в темноте ночной комнаты, чуть улыбнувшись его губы, и послышится ему тихое-тихое пенье сверчка на дачной ночной аллее... Он увидит фонарь, качающийся на легком ночном ветру у поворота аллеи, прямо над зеленой скамейкой, где вечность назад он впервые поцеловал тоненькую и стройную девушку, и ощутит на своих губах вкус ее еще детских губ, он почувствует влажный и холодящий шею ветер с моря, от берегового обрыва, он даже услышит монотонный скрип фонарной подвески, которую давно надо бы смазать!

Где бы ни оказался такой фонтанский житель, он помнит, как весной зацветает вишня, и затем все остальное начинает цвести и ронять лепестки на землю. Никогда не уследить, как начинается цветение, но всегда внезапно и сразу видишь в полном цвету дерево и поражаешься — когда же успело?! Он помнит запах сжигаемой прошлогодней листвы. Не знаю, на что похож этот запах, что-то в нем есть такое — то ли слова в нем растворены, сказанные под этой листвой прошедшим сезоном, однажды теплой ночью или ранним прощальным утром, то ли смех, отзвучавший тогда и впитавшийся в зеленые деревья; и еще запах моря, донесенный сюда снизу, уже осеннего моря, остывающего, и печального, и смиренного с неизбежным приходом зимы.

(Для жителей любого глухого угла и места Земли понятие "уровень моря" условно, книжная заумь; для нас — вопрос обихода: только мы живем прямо над уровнем моря и знаем, на сколько нам нужно к нему спуститься из Города либо как круто и долго надо будет подняться к себе домой. И даже уровень океана выравнивает себя по уровень нашего моря.)

Мария ГУДЫМА

Шестой сезон "Чайников" — и так много сделано!

"Театр на Чайной" в небольшом помещении бывшей Одесской чаеразвесочной фабрики на Карантинной существует уже шестой сезон в качестве отдушины для театральных гурманов, этакое причерноморского офф-Бродвея... Директор и ведущий режиссер "чайников" Александр Онищенко, в самые трудные перестроечные годы освоивший ряд строительных специальностей, своими руками оборудовал маленький зальчик на 50 мест, где зрители весь спектакль сидят, не шелохнувшись, а по окончании представления по-домашнему пьют с артистами чай и кофе, обсуждая только что увиденное. Здесь постановки рождаются "по любви", а не по принуждению руководителя, как то бывает в официальных театрах. Почти комедией "За стеклом" театр открылся 6 апреля 2010 года. С тех пор спектакль пережил несколько редакций, побывал на фестивалях и успешно продолжает свою сценическую жизнь. То антиакадемический рассказ об актерах, персонажах и о том, как персонажи влияют на актеров. "Спектакль — визитная карточка", — так говорят о нем зрители. Профессионалы из разных театральных коллективов города собираются в "Театре на Чайной", чтобы воплотить в жизнь задуманное...

Так в репертуаре появились и деревенский сериал "Аве Мария Ивановна" по одноименной пьесе российского драматурга Дмитрия Калинина в постановке Александра Онищенко, и одноактная пьеса американского драматурга Мюррея Шизгала "Машинистки" в постановке Русланы Рудой, известной актрисы театра кукол, решившейся на дебют в режиссуре. Опытный артист Русской драмы Михаил Дроботов поставил здесь в качестве режиссера со своими молодыми коллегами Павлом Савиновым и Ольгой Салтыковой знаменитую пьесу Уильяма Гибсона "Двое на качелях", не случайно столь любимую в свое время советскими театрами.

Жемчужиной репертуара стала последняя премьера — псевдоопера "Маленький Донни, победивший мрак" по весьма популярной пьесе американского автора Леонарда Герша "Эти свободные бабочки". Жанр "псевдоопера" получился оттого, что фоном для общения героев становится телетрансляция роскошной постановки оперы Глюка "Орфей и Эвридика", и поиски героем своей половинки в мрачном царстве Аида удивительным образом рифмуются с переживаниями совсем по другому поводу повернутого во мрак Дональда...

Пьеса "Эти свободные бабочки" в переводе Михаила Мишина отнюдь не случайно заполонила сценические подмостки русскоязычных театров постсоветского пространства. Режиссер спектакля Александр Онищенко так очаровался ею, что старался ставить почти в темпе читки пьесы, сохраняя ритм естественной речи, не стремясь избежать повествовательности. Собрав букет артистов из ТЮЗа для этой постановки о молодых и для молодых.

Пока собираются зрители, все их внимание оттягивает на себя сколоченная из досок конструкция: наверху — ложе, к которому ведет боковая лестница, внизу же — подобие

маленького диванчика и обеденного стола. Еда настоящая, поглощают ее актеры с апетитом, говорят, очень волнуются всякий раз, когда приходится есть на людях. А вот сигареты не настоящие курят, электронные, нельзя же заполнять тесный зальчик всеядным дымом!

Обитает в этом арендованном раю молодой американец Дональд (Влад Костыка). Можете называть его Доном, только, упаси Бог, не Донни, это он и собственной властной матери пытается запретить. Матери, чей приход он чувствует издали благодаря шлейфу из аромата "Шанели № 10". Но это хотя бы поддается логическому объяснению, а вот как он чувствует, что мать позвонит по телефону с минуты на минуту и успеет проговорить-прорепетировать предстоящий диалог? "Здравствуй, мама. А я знал, что это ты. А потому что, когда это ты, телефон не звонит, а стонет — от предчувствия твоих нотаций... Спасибо, прекрасно. А как ты?... Здесь погода отличная, тепло. А как там у вас? Тоже тепло? Ну ты подумай! И там тепло, и здесь тепло. Замечательно... Что — квартира?... Я тебе уже сто раз сказал — квартира замечательная... Да, мне здесь по-прежнему замечательно... Вчера? Ничего, был дома... Ко мне друзья заходили. Да, маленькая вечеринка... Я не считал, сколько их было. А тебе обязательно точная цифра нужна? Двенадцать и семь восьмых — тебя устроит? Нет, не поздно разошлись... Что-что? Даже не вздумай! Никаких сегодня!.. А меня это не волнует! Собралась в магазин — ну и езжай на здоровье! А сюда приходит нечего! Мы с тобой договорились, кажется, два месяца..."

Мы не сразу поймем, что с этим обаятельным, улыбочивым парнем не так. И соседка по квартире, обаятельнейшая, гиперактивная, мечтающая стать актрисой Джил (Валерия Задумкина), тоже сразу этого не поймет. А ведь этот парень обнаружит в маленькой белокурой бестии качества, которые беззастенчивая бабочка даже в себе не подозревала! По плечу ли этой девчонке роль Эвридики, даже если допустить, что она встретила в жизни настоящего Орфея? И властную матушку Дональда, добропорядочную детскую писательницу миссис Бейкер (Елена Юзвак), которая неожиданно-непростоно заявила на квартиру к обожаемому Донни, тоже ждут открытия и крутые перемены в своем видении происходящего. Может быть, это именно она блуждает во мраке и пора если не перерезать пуповину, то хотя бы ослабить ее поводок?..

В финале мы ее, вроде бы такую сперва сую и несимпатичную, очень полюбим, как и всех остальных героев этой удивительной истории, включая здорового добродушного уальня Ральфа (Олег Шевчук), едва не соблазнившего Джил открытием театрального ангажемента. Такая коллизия "чайникам" очень близка — страсть к профессии руководит всеми ими, но и простые человеческие эмоции проживаются очень остро. Потому и нет отбоя от зрителей, бронирующих места заранее. Пусть так будет и в дальнейшем.

Фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО.

одиночества гость. Открой дверь, выйди к нему на веранду поговорить, постой рядом с ним, покури. Ночной ветер порывами гнет к земле тяжелые от воды и уставшие сопротивляться ветви, и земля от воды уже тяжелая и сырая. Ветер забрасывает внезапно горстью воду дождя на веранду, тебе в лицо, чихает собака, и странное чувство возникает, что это, увидев тебя, так развлекается ветер, с тобою играя. Ему не холодно и не сыро — ему весело!

Ночной дождь — как неожиданное письмо от далекого друга, как колыбельная песня, и в ней нехитрый и простенький мотив:

От любви бывают дети,
Ты теперь один на свете.
Помнишь песню, что, бывало,
Я в потемках напевала?

"Ах, мой милый Августин,
Августин, Августин,
Все прошло, все ..."

— так наши далекие предки засыпали в своих пещерах, так во всех временах своего детства и юности утешался монотонным капельным звуком дождя человек. Великие пространства Вселенной начинались у его порога, не имевшие измерений, и спокойнее становилось в дожде измученному страхам сердцу, и верилось ему, что беды его преходящи, что мир велик и мудр и что "утро вечера мудренее"!

(Велик и непросто, под стать нам, наш русский язык: "мудренее" или "мудренее" может быть предстоящее утро — всего две точки над буквой, но каким различным оно будет, это предстоящее нам утро!

Впрочем, неважно — сегодня главное, что оно будет, наступит.)

И читать — читать! Полки книжные были удивительны на этих дачах. Десятилетиями туда свозили все, от чего освобождали парадные книжные полки городских квартир. Старые и потрепанные, дореволюционных изданий и часто уже без корешков, подшивки журнала "Нива" соседствовали с послевоенными подшивками "Огонька" (а там Сталин, и маршальская шинель Ворошилова, и требовательный Каганович, и интеллигентным видом Лаврентий Берия, единственный, кроме Анастаса Микояна, интеллигентного вида человек в этой камарилье, и дети, перволашки, выводящие первое в жизни слово "Сталин"...). А там Дюма в утраченном переплете и почему-то многотомный Брем с животными. Но вот сразу несколько военного времени "Огоньков", а это первая мировая война, и в ней чужая и такая далекая жизнь... Какая-то молоденькая дама на углу улицы 1914 года, в повороте угла, и ее случайный взгляд на фотографа, до ставшийся неожиданно мне. Молодая, стройная, и в глазах что-то такое, но ведь уже никогда нигде ее не встретить, не взять за руку, не заговорить, не рассказать, не понять, что там было, в этих глазах. Ах, это все дождь... ночной дождь... Ночью, в дождь, один на даче, как Робинзон в своей пещере на этом острове (интересно, как это он там более двадцати лет обходился без женщин вообще, до появления Пятницы в его жизни?... И это какая наглость колонизаторская — назвать живого человека Пятницей, а не каким-нибудь другим более подходящим днем недели!).

В те времена дачи мало разнились, так, одни были чуть побольше и побогаче, но все это было вровень, дачной великой республикой. И поэтому выросшие здесь дети не знали розни богатства и отчуждения бедности. В этих дачных районах основным было море, там, внизу, равномерно любящее всех и всем принадлежащее.

На этих дачах выросло множество поколений горожан, разлетевшихся теперь по всем горизонтам Земли, сколько их есть. Начиналось это детским ночным криком на одной из дач, и соседи так узнавали о новом поколении дачников. Потом, в очередной дачный сезон, малыш ковылял уже по продольной дачной аллее, местному бульвару, и все его видели и знакомились. Потом начинал бегать, ездить на трехколесном велосипеде, упрямо въезжая в дачные заборы, и дружить начинал со сверстниками, даже если родители знакомы не были вовсе. И так возникало великое дачное братство.

И первая любовь зарождалась здесь, на этой дачной аллее, ведущей к морю и счастью. И просто — брала шестилетняя девочка приятеля с аллеи за руку и приводила к себе на дачу, показать своих кукол, и сидели в сторонке родители, осторожно поглядывая на эту новую автономную жизнь, и шутили себе втихую, а шутить-то было и незачем!

И воздух этих незабвенных дачных вечеров, полумрак аллеи с пятячками света, выхваченными из темноты чередой качающихся лампочек, звездное небо, опустившееся к притихшей земле... И ты идешь прямо в прохладном пространстве неба, чуть сто-

ронясь пролетающих мимо звездочек, и слышишь тихие голоса, проникающие со всех сторон, из темноты скрытых за темными кустами дач, то тут, ручейком радиоразговора, то там, веселым смехом и женскими голосами... и перебор гитары... то ли еще Галич, то ли уже Высоцкий... и тонкая, упругая, звонкая нить нескончаемой песни сверчка... Эта песня на темной аллее об одиночестве, о том, что все еще сбудется, это сладкое чувство покинутости, предвещающее неизбежную встречу...

Приклеены к стеклам
Влюбленные пары,
Звенит палисандр
Дачной гитары:
"Ах, вам не хочется ль
Под ручку пройтись?"
Мой милый. Конечно.
Хотится! Хотится!

Еще как хочется!

Старый сверчок пел Буратино о тепле домашнего очага, пусть нарисованного, пусть в нарисованном этом котле не варится мясо и вообще ничего не варится, а дым, идущий из котла, не пахнет никакой вкусной пищей, но это твой дом, где тебя любили и любят, где тебя ждут глухой ночью, в ветер и злой бесконечный дождь, где тебя заботливо спросят, не устал ли... Ты переступишь порог, сбросишь мокрую одежду, наденешь сухую, сядешь к столу, возьмешь в замерзшие руки раскаленную чашку чая. И растворишься во всем этом, ни к чему не прислушиваясь, ничего не отвечая. И внезапно услышишь старую добрую песню сверчка — ты вернулся домой!

Никогда не позволяй себе даже думать, что дом твой разрушен, что тебя в нем никто больше не ждет!

Никогда не ругай свой старый дом. Услышав такую хулу, не вступай в пререкания с неблагодарным глупцом, отстранись. И не ной... Все там осталось, как было, пока благодарно бьется наше сердце, пока, не лукавя, помнит. Память сердца — большего нам не надо. И никому не дано! "Это было, было в Одессе ..." — с тобой и со мной! Было!

Но, когда вспомнишь внезапно среди дел и суесть мира по непонятной причине и без повода вовсе, вспомнишь ночную песню дачного сверчка, не беги к фотографиям и книжкам, чтобы подлечить память. Просто подними трубку, и набери номер, и спроси друга, спроси его: "Ведь это правда, на нашей дачной аллее, там, где она делает поворот вправо, по пути к берегу обрыва, когда-то стояла скамейка, покрашенная в зеленый цвет, со спинкой, и краска местами на ней облетела?" И друг твой на далеком ином континенте, подскочивший от полночного звонка, испугавший жену, спавшую рядом, прикрывая ладонью трубку и отдышавшись от внезапности вопроса, скажет тебе: "Точно..." И тихо добавит, никак не обидевшись: "А ты знаешь, ведь совсем недавно я тоже ее вспомнил, ведь как это странно — там на спинке еще была надпись..."

И потом, погасив свет и на вопросы раздраженной жены ничего не ответив, он долго будет лежать, твой старый друг, в темноте ночной комнаты, чуть улыбнувшись его губы, и послышится ему тихое-тихое пенье сверчка на дачной ночной аллее... Он увидит фонарь, качающийся на легком ночном ветру у поворота аллеи, прямо над зеленой скамейкой, где вечность назад он впервые поцеловал тоненькую и стройную девушку, и ощутит на своих губах вкус ее еще детских губ, он почувствует влажный и холодящий шею ветер с моря, от берегового обрыва, он даже услышит монотонный скрип фонарной подвески, которую давно надо бы смазать!

Где бы ни оказался такой фонтанский житель, он помнит, как весной зацветает вишня, и затем все остальное начинает цвести и ронять лепестки на землю. Никогда не уследить, как начинается цветение, но всегда внезапно и сразу видишь в полном цвету дерево и поражаешься — когда же успело?! Он помнит запах сжигаемой прошлогодней листвы. Не знаю, на что похож этот запах, что-то в нем есть такое — то ли слова в нем растворены, сказанные под этой листвой прошедшим сезоном, однажды теплой ночью или ранним прощальным утром, то ли смех, отзвучавший тогда и впитавшийся в зеленые деревья; и еще запах моря, донесенный сюда снизу, уже осеннего моря, остывающего, и печального, и смиренного с неизбежным приходом зимы.

(Для жителей любого глухого угла и места Земли понятие "уровень моря" условно, книжная заумь; для нас — вопрос обихода: только мы живем прямо над уровнем моря и знаем, на сколько нам нужно к нему спуститься из Города либо как круто и долго надо будет подняться к себе домой. И даже уровень океана выравнивает себя по уровень нашего моря.)

Мария ГУДЫМА

Шестой сезон "Чайников" — и так много сделано!

"Театр на Чайной" в небольшом помещении бывшей Одесской чаеразвесочной фабрики на Карантинной существует уже шестой сезон в качестве отдушины для театральных гурманов, эдакого причерноморского офф-Бродвея... Директор и ведущий режиссер "чайников" Александр Онищенко, в самые трудные перестроечные годы освоивший ряд строительных специальностей, своими руками оборудовал маленький зальчик на 50 мест, где зрители весь спектакль сидят, не шелохнувшись, а по окончании представления по-домашнему пьют с артистами чай и кофе, обсуждая только что увиденное. Здесь постановки рождаются "по любви", а не по принуждению руководителя, как то бывает в официальных театрах. Почти комедией "За стеклом" театр открылся 6 апреля 2010 года. С тех пор спектакль пережил несколько редакций, побывал на фестивалях и успешно продолжает свою сценическую жизнь. То антиакадемический рассказ об актерах, персонажах и о том, как персонажи влияют на актеров. "Спектакль — визитная карточка", — так говорят о нем зрители. Профессионалы из разных театральных коллективов города собираются в "Театре на Чайной", чтобы воплотить в жизнь задуманное...

Так в репертуаре появились и деревенский сериал "Аве Мария Ивановна" по одноименной пьесе российского драматурга Дмитрия Калинина в постановке Александра Онищенко, и одноактная пьеса американского драматурга Мюррея Шизгала "Машинистки" в постановке Русланы Рудой, известной актрисы театра кукол, решившейся на дебют в режиссуре. Опытный артист Русской драмы Михаил Дроботов поставил здесь в качестве режиссера со своими молодыми коллегами Павлом Савиновым и Ольгой Салтыковой знаменитую пьесу Уильяма Гибсона "Двое на качелях", не случайно столь любимую в свое время советскими театрами.

Жемчужиной репертуара стала последняя премьера — псевдоопера "Маленький Донни, победивший мрак" по весьма популярной пьесе американского автора Леонарда Герша "Эти свободные бабочки". Жанр "псевдоопера" получился оттого, что фоном для общения героев становится телетрансляция роскошной постановки оперы Глюка "Орфей и Эвридика", и поиски героем своей половинки в мрачном царстве Аида удивительным образом рифмуются с переживаниями совсем по другому поводу повернутого во мрак Дональда...

Пьеса "Эти свободные бабочки" в переводе Михаила Мишина отнюдь не случайно заполонила сценические подмостки русскоязычных театров постсоветского пространства. Режиссер спектакля Александр Онищенко так очаровался ею, что старался ставить почти в темпе читки пьесы, сохраняя ритм естественной речи, не стремясь избежать повествовательности. Собрав букет артистов из ТЮЗа для этой постановки о молодых и для молодых.

Пока собираются зрители, все их внимание оттягивает на себя сколоченная из досок конструкция: наверху — ложе, к которому ведет боковая лестница, внизу же — подобие

маленького диванчика и обеденного стола. Еда настоящая, поглощают ее актеры с апетитом, говорят, очень волнуются всякий раз, когда приходится есть на людях. А вот сигареты не настоящие курят, электронные, нельзя же заполнять тесный зальчик всеядным дымом!

Обитает в этом арендованном раю молодой американец Дональд (Влад Костыка). Можете называть его Доном, только, упаси Бог, не Донни, это он и собственной властной матери пытается запретить. Матери, чей приход он чувствует издали благодаря шлейфу из аромата "Шанели № 10". Но это хотя бы поддается логическому объяснению, а вот как он чувствует, что мать позвонит по телефону с минуты на минуту и успеет проговорить-прорепетировать предстоящий диалог? "Здравствуй, мама. А я знал, что это ты. А потому что, когда это ты, телефон не звонит, а стонет — от предчувствия твоих нотаций... Спасибо, прекрасно. А как ты?... Здесь погода отличная, тепло. А как там у вас? Тоже тепло? Ну ты подумай! И там тепло, и здесь тепло. Замечательно... Что — квартира?... Я тебе уже сто раз сказал — квартира замечательная... Да, мне здесь по-прежнему замечательно... Вчера? Ничего, был дома... Ко мне друзья заходили. Да, маленькая вечеринка... Я не считал, сколько их было. А тебе обязательно точная цифра нужна? Двенадцать и семь восьмых — тебя устроит? Нет, не поздно разошлись... Что-что? Даже не вздумай! Никаких сегодня!.. А меня это не волнует! Собралась в магазин — ну и езжай на здоровье! А сюда приходит нечего! Мы с тобой договорились, кажется, два месяца..."

Мы не сразу поймем, что с этим обаятельным, улыбочивым парнем не так. И соседка по квартире, обаятельнейшая, гиперактивная, мечтающая стать актрисой Джил (Валерия Задумкина), тоже сразу этого не поймет. А ведь этот парень обнаружит в маленькой белокурой бестии качества, которые беззастенчивая бабочка даже в себе не подозревала! По плечу ли этой девчонке роль Эвридики, даже если допустить, что она встретила в жизни настоящего Орфея? И властную матушку Дональда, добропорядочную детскую писательницу миссис Бейкер (Елена Юзвак), которая неожиданно-непростоно заявила на квартиру к обожаемому Донни, тоже ждут открытия и крутые перемены в своем видении происходящего. Может быть, это именно она блуждает во мраке и пора если не перерезать пуповину, то хотя бы ослабить ее поводок?..

В финале мы ее, вроде бы такую сперва сую и несимпатичную, очень полюбим, как и всех остальных героев этой удивительной истории, включая здорового добродушного уальня Ральфа (Олег Шевчук), едва не соблазнившего Джил открытием театрального ангажемента. Такая коллизия "чайникам" очень близка — страсть к профессии руководит всеми ими, но и простые человеческие эмоции проживаются очень остро. Потому и нет отбоя от зрителей, бронирующих места заранее. Пусть так будет и в дальнейшем.

Фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО.

Леонид АВЕРБУХ

"Блюмкиниада": реальность, похожая на миф

Повышенный интерес, который "с молодых ногей" я испытывал к сфере внешней разведки, ничуть не ослабевший даже после неудавшейся попытки профессионального приобщения к ней, показал насколько безгранична эта самая сфера, как богата её история, какие незаурядные и талантливые люди посвятили ей свою жизнь. Хотя, конечно, в определённой части случаев мотивацией деятельности разведчиков служили и служат не патриотизм и не бескорыстный интерес к профессии, а изрядные суммы вознаграждения и иные, сугубо прагматичные соображения. Среди них даже "отмывание" вины за преступления, за предательство, за государственную измену. Иное дело, что такие агенты доверием руководства разведслужб не пользовались, а выполняли лишь отдельные поручения под строгим контролем. Прагматики и авантюристы легко становились т. н. двойными и даже тройными агентами. Мне приходилось писать, что в практике разведчика причудливо сочетаются высокая романтика и будничная работа, героические подвиги и глубокое нравственное падение, альтруизм и корыстолюбие — разнообразие, сравнимое лишь с самой жизнью. Два издания моей книги "Рассекреченные судьбы", вышедшие в 1999 и 2001 г. г., смогли охватить около двухсот таких судеб, хотя почти каждой из них могут быть посвящены отдельные тома. Не будет неожиданным тот факт, что особое моё внимание привлекли разведчики, жизнь и (или) деятельность которых связана с нашим городом. Таковых было немало. Но, пожалуй, две фигуры из их числа оказались фантастически интересными и неправдоподобно эффективными по многообразию и количеству совершенных ими акций. Осведомлённому читателю нетрудно догадаться, что я имею в виду Сиднея Рейли и Якова Блюмкина. Об этом последнем и пойдёт речь в предлагаемом очерке.

Этот номер газеты выходит в дни, когда исполняется ровно 85 лет со дня завершения уникальной судьбы нашего земляка. Сразу оговорюсь, что я практически не работал с архивными документами спецслужб, доступ к которым непрост и нынче, но довелось ознакомиться со значительным количеством нередко противоречивых источников в биографической литературе, на официальных сайтах, в блогосфере, видеоматериалах. Шпионские биографии практически никогда не бывают абсолютно достоверными. Слишком много усилий прилагается к тому, чтобы сделать их именно такими.

Судя по большинству доступных материалов, Яков Григорьевич (Симха-Янкель Гершевич) Блюмкин (псевдонимы: Исаев, Макс, Владимир, Вишневыский, Живой и масса других) — революционер, чекист, советский разведчик и контрразведчик, террорист, государственный и военный деятель, считается одним из создателей советских разведывательных служб. Возможный прототип молодого Штирлица. По данным, сообщенным ЧК в 1918 году самим Блюмкиным, родился он 8 октября 1900 года в Одессе, на Молдаванке. Но он не был бы Блюмкином, если бы от него не исходили различные версии любых событий. В соответствии с наиболее достоверной версией Яков происходил из одесской пролетарской семьи, и то, что с полуторагодовалого возраста он с нищей семьей отца, в которой было пятеро детей, жил на Молдаванке в Одессе, практически не вызывает сомнений у биографов.

Выстроить надёжную хронологическую последовательность совершённых им или приписываемых ему действий и связанных с ними событий не представляется возможным, т. к., совершенно различные по характеру и месту происшествий, они нередко проецируются на одни и те же временные периоды. Поэтому при их изложении постоянно хочется употреблять формулировки "очевидно", "скорее всего", "наиболее вероятно"...

В 1913 г. Блюмкин окончил еврейскую начальную школу — Талмуд-тору, который руководил известный писатель — "дедушка еврейской литературы" Менделей Мойхер-Сфорим. Обучение в школе было бесплатным, за счёт иудейской общины. Там он получил начальные знания в древнееврейском и русском языках. Блюмкин писал:

"В условиях еврейской провинциальной нищеты, стиснутой между национальным угнетением и социальной обездоленнос-

тью, я рос, предоставленный своей собственной детской судьбе".

В автобиографии он указал, что в 1914 году (14 — 15-ти лет от роду) работал электромонтёром в Одесском трамвайном депо, затем в театре, на консервной фабрике братьев Аврич и Израильсона. Брат его Лев был анархистом, а сестра Роза — социал-демократкой. Старшие братья Якова — Исая и Лев — были журналистами одесских газет, а брат Натан получил признание как драматург (псевдоним — Базилевский). Яков участвовал в отрядах еврейской самообороны против погромов в Одессе. Вступил в партию социалистов-революционеров. Как агитатор "по выборам в Учредительное собрание", он в августе — октябре 1917 года побывал в Поволжье, а уже в ноябре 1917-го примкнул к отряду матросов, участвовал в боях с частями украинской Центральной Рады. Во время революционных событий в Одессе в 1918 г. участвовал в экспроприации ценностей Государственного банка. По слухам, часть конфиската присвоил. Одно время в Одессе подрабатывал в конторе некоего Пермена на Военном спуске, в роде деятельности которой краеведы не разобрались, но чем в ней занимался младший служащий Блюмкин, уже не скрыть. Он наладил подделку документов, обеспечивавших освобождение от призыва. Разоблачённый Яша заявил, что делал это по приказу хозяина. Оклеветанный Пермен подал в суд, который, вопреки ожиданиям, Блюмкина оправдал. Оказалось, что, узнав о неподкупности судьи, Яков послал ему какое-то подношение с вложенной в него визиткой своего шефа. Возмущённый откровенной взяткой, судья вынес оправдательное решение. Узнавший об этом Пермен возмутился, но потом дал Блюмкину характеристику, которой тот всегда гордился: "Подлец, несомненный подлец, но талантливый". В январе 1918-го Блюмкин совместно с Моисеем Винницким (Мишкой Япончиком) принимает активное участие в формировании в Одессе 1-го Добровольческого "железного" отряда. Входит в доверие к диктатору революционной Одессы Михаилу Муравьеву, которого одесситы называли "красным маршалом".

Анархистское, а затем эсеровское подполье, первые "опыты" экспроприаций, мошенничества и подлогов ярко проявили его характерные качества революционного авантюриста: жестокость, цинизм, беспринципность, непомерную амбициозность и при этом, безусловно, довольно широкий спектр способностей и талантов, выраженную склонность к романтизму. В одесской периодике, в газетах "Одесский листок", "Гудок" и в журнале "Колосья", печатались первые стихи Блюмкина, да и впоследствии он продолжал их писать. В Одессе Блюмкин знакомится с поэтом А. Эрмманом, членом Союза защиты родины и свободы, английским шпионом и типичным тройным агентом. Возможно, Эрмман дал старт дальнейшей головокружительной карьере Блюмкина в ЧК. Уже в апреле 1918-го Эрмман под видом лидера литовских анархистов Бирзе ставит под свой контроль часть вооружённых анархистских отрядов Москвы и одновременно работает для ЧК, собирая информацию о немецком влиянии в России для стран Антанты. Когда в мае 1918 года Блюмкин приехал из Одессы в Москву, ЦК Партии левых эсеров делегировал его в ВЧК, где он сразу же назначается заведующим отделом по борьбе с международным шпионажем. С июня 1918 года — заведующий отделением контрразведывательного отдела по наблюдению за охраной посольств и их возможной преступной деятельностью. В основном Блюмкин занимался "немецкими шпионами". Находясь в должности (данные разноречивы в разных источниках) начальника "германского" отдела ВЧК, Блюмкин 6 июля 1918 г. явился в посольство Германии якобы для обсуждения судьбы военнопленного (ранее завербованного Блюмкиным) — дальнего родственника посла графа Вильгельма фон Мирбаха, которого арестовала ЧК. Его сопровождал сотрудник того же отдела ЧК, матрос Николай Андреев. Около 15 часов Блюмкин несколько раз выстрелил в посла, а Андреев, убегающий, кинул в гостиную две бомбы. Посол погиб на месте. Преступники скрылись. Однако Б. Баханов в своих воспоминаниях описывает эти

события иным образом: "Об убийстве Мирбаха двоюродный брат Блюмкина рассказывал, что дело было не совсем так, как описывает Блюмкин: когда Блюмкин и сопровождавшие его чекисты были в кабинете Мирбаха, Блюмкин бросил бомбу и с чрезвычайной поспешностью выбросился в окно, причем повис штанами на железной ограде в очень некомфортабельной позиции. Сопровождавший его матросик не спеша ухлопал Мирбаха, снял Блюмкина с решетки, погрузил его в грузовик и увёз". Матросик очень скоро погиб на фронтах гражданской войны, а чуть было не спровоцировавший возобновление военных действий (после Брестского мира) левый эсер Блюмкин был самым молодым начальником управления в истории ВЧК-ГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ. Блюмкин был объявлен большевиками вне закона, но очень скоро перешёл на их сторону, предав организацию левых эсеров. И это невзирая на то, что провокационное убийство Мирбаха послужило сигналом для вооружённого выступления левых эсеров против советского правительства во главе с большевиками. Позже в беседе с женой Луначарского Натальей Луначарской-Розенфельд и с её двоюродной сестрой Татьяной Сац Блюмкин признался (если не солгал), что о плане покушения на Мирбаха знали и Дзержинский, и Ленин. Никаких других исторических свидетельств этого "признания" нет. Поэтому неудивительно, что существует совершенно другая версия этих событий, свидетельствующая о том, что после провала эсеровского мятежа Блюмкин под фамилией Белов скрывался в больницах Москвы, Рыбинска и Кимр, затем под именем Григория Вишневыского работал в Кимринском комиссариате земледелия. А затем, уже в сентябре 1918-го, оказался в Украине. В ноябре того же года, в момент всеобщего восстания против украинского гетмана Павла Скоропадского и австро-немецких оккупантов, Блюмкин находит своих партийных товарищей-эсеров в Киеве и включается в их подпольную работу. Он участвует в подготовке террористического акта против Скоропадского и в покушении на командующего немецкими оккупационными войсками в Украине фельдмаршала Эйхгорна. По этим же данным, в декабре 1918 — марте 1919 г. Блюмкин был секретарем Киевского подпольного горкома ПЛСР. По заданию ВЦИКа был якобы задействован и в подготовке покушения на адмирала Колчака, необходимость в котором отпала из-за ареста Колчака левыми эсерами в Иркутске. В марте 1919 года близ Кременчуга попал в плен к петлюровцам, которые выбили Блюмкину передние зубы и жестоко избили. После месячного лечения, в апреле 1919 г., Блюмкин явился с повинной в ЧК. Особая следственная комиссия по согласованию с Президиумом ВЦИКа и с одобрения Ф. Дзержинского приняла решение об амнистии Блюмкина. Писали также, что ранее Ленин велел "железному Феликсу" хорошо искать и... не найти Блюмкина, выдачи которого требовала германская сторона. В октябре 1919 г. он получает первые задания по борьбе со шпионажем на Южном фронте. Отмечалось, что он выдал ЧК многих своих прежних товарищей и был заочно приговорён левыми эсерами к смерти. На него совершили 3 покушения, Блюмкин был тяжело ранен, но сумел скрыться из Киева. Правдоподобие этой версии подкрепляется тем, что активной участницей эсеровской боевой дружины, охотившейся на Блюмкина, была его тогдашняя возлюбленная Лида Соркина... Согласно другой, также вполне правдоподобной версии, за убийство Мирбаха Блюмкин был в 1920-м приговорён армейским военным трибуналом к расстрелу. И вовсе не Дзержинский, а Троцкий добился, чтобы смертную казнь заменили "искуплением вины в боях по защите революции", взял его к себе в штаб, где Блюмкин провёл всю гражданскую войну начальником личной охраны наркомвоенмора. Затем своим шефом он был направлен на учёбу в Академию Генштаба РККА, после окончания сокращённого курса которой вновь был переведен в органы ГПУ. С Блюмкиным и тут всё не просто, и ещё одна, третья, изобилующая подробностями версия утверждает, что в 1920 г. дело Блюмкина рассматривал (заочно?) межпартийный суд по делам, связанным с левозеро-эсеровским восстанием, куда

входили анархисты, левые эсеры, максималисты, боротьбицы. Товарищеский суд возглавил Карелин — бывший член ВЦИКа РСФСР, мистик, лидер российских анархистов-коммунистов. Суд этот тянулся две недели, но якобы так и не вынес окончательного решения. Вот попробуй разберись в этих обстоятельствах. Тем более что следующая информация почти перечёркивает всё вышесказанное о перипетиях, связанных с Блюмкиным в годы гражданской войны. В частности, подробно излагаются сведения о том, что когда в мае 1920 года Волжско-Каспийская военная флотилия под командованием Федора Раскольниково и Серго Орджоникидзе была направлена в Энзели (Персия) с целью возвращения российских кораблей, которые увели в Персию эвакуировавшиеся из российских портов белогвардейцы, дело там не обошлось без вездесущего Блюмкина... В результате последовавших боевых действий белогвардейцы и занимавшие Энзели английские войска отступили. Воспользовавшись этой ситуацией, в начале июня вооружённые отряды революционного движения дженгалийцев под командованием Мирзы Кучекхана захватывают город Решт — центр остан Гилан, после чего здесь провозглашается Гиланская Советская Республика. Вот тут-то Блюмкина направляют в Персию, где он участвует в свержении Кучекхана и приходе к власти хана Эхсануллы, которого поддерживали местные "левые" и коммунисты. В боях он шесть раз (!) был ранен. После переворота Блюмкин участвовал в создании Иранской коммунистической партии (на базе Социал-демократической партии Ирана "Адалят"), стал членом её Центрального комитета и военным комиссаром штаба Красной армии Гиланской Советской Республики. Он представлял Персию на Первом съезде угнетённых народов Востока, созванном большевиками в Баку. В Персии Блюмкин знакомится с будущим успешным советским военным разведчиком Яковом Серебрянским, содействовал устройству его сотрудником особого отдела Иранской Красной армии. В сентябре 1920 года правительство РСФСР принимает решение о сворачивании своей военной операции в Персии и приступает к переговорам с шахским правительством. В 1920 — 21 годах Блюмкин — начальник штаба 79-й бригады (помните, указывалось, что он всю войну провёл в штабе Троцкого?), а позже — комбриг, планировал и осуществлял карательные акции против восставших крестьян Нижнего Поволжья, на Тамбовщине, в подавлении Еланского восстания. Осенью того же 1921 года Блюмкин командует 61-й бригадой, направленной на борьбу против войск барона Унгерна фон Штернберга. Позднее он занимал ряд высоких командных должностей в войсках и штабах Красной армии, был награждён орденом Боевого красного знамени. Вообще же знакомство с материалами о 1920 — 21 годах оставляет чёткое ощущение, что Блюмкин одновременно находился в разных географических точках, на разных должностях в разных гражданских и военных структурах.

Согласно этим данным, вернувшись в Москву, Блюмкин написал и издал (как, когда успел?) книжку о Дзержинском и стал его фаворитом в ЧК, именно по его личной рекомендации вступил в РКП(б). Дзержинский, не жаловавший Блюмкина за авантюризм, но ценивший как бесстрашного агента, переманил его в ИНО (иностранный отдел ГПУ). Указывается, что во время учёбы в Академии Блюмкин (правда, неясно, каким образом — молниеносно?) к знанию иврита добавил знание турецкого, арабского, китайского, монгольского языков, приобрёл обширные военные, экономические, политические знания. "Природная смекалка и умение разбираться в драгоценных камнях, обретенное им во время одесских экспроприаций" (так убедительно и красноречиво излагает источник), позволили Блюмкину всё той же осенью 1921 года быстро раскрутить дело с хищениями в Гохране. В октябре Блюмкин под псевдонимом Исаев (взят им по имени деда) едет в Ревель (Таллинн) в роли "ювелира" и, выступая в качестве провокатора, выявляет заграничные связи работников Гохрана.

Se non e vero, ma ben trovato! — если это и неправда, то хорошо придумано! (итал.),

т. к. именно этот эпизод в деятельности Блюмкина был положен Юлианом Семеновым в основу сюжета книги "Бриллианты для диктатуры пролетариата", а блюмкинский псевдоним Исаев использован им в дальнейшем в качестве официальной фамилии для самого обаятельного героя советской "шпионады" — Штирлица. В 1920-е годы Блюмкин тесно сошёлся с кружком поэтов и литераторов. Дружил с Есениным, познакомился с Маяковским, Шершеневичем и Мариенгофом. Все они посвящали ему стихи. Блюмкин был одним из учредителей полуанархической поэтической Ассоциации вольнодумцев, имевшей своей целью "духовно-экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции", завсегдатаем круга имажинистов. Николай Гумилёв писал о Блюмкине ("убийце императорского посла") в стихотворении "Мои читатели". Маяковский написал на подаренной Якову книге "Дорогому товарищу Блюмочке...". В ряде воспоминаний об Осипе Мандельштаме сообщается, что поэт вырвал у Блюмкина пачку ордеров на расстрелы, которые тот, похваляясь своим всемогуществом, подписывал в пьяном виде на глазах у компании собутыльников, и разорвал их. Возникший скандал привёл к кратковременным неприятностям у Блюмкина с ВЧК и лично с Дзержинским, после чего Мандельштам, опасаясь мести Блюмкина, уехал на Кавказ. Независимо от того, имел ли место именно такой эпизод, известно точно, что из-за какого-то серьёзного конфликта с Блюмкиным Мандельштам был вынужден на время покинуть Москву. По воспоминаниям Владислава Ходасевича, Есенин как-то привёл в круг богемы Блюмкина в чехистской кожаной куртке. Сергей Есенин, стремясь поразить воображение окружающих дам, предложил понравившейся ему девушке: "А хотите поглядеть, как расстреливают в ЧК? Я это вам через Блюмкина в одну минуту устрою". В 1920 году, когда Есенин и братья Кусиковы арестовывались ЧК, Блюмкин оказал помощь поэту, обратившись с ходатайством отпустить его на поруки. Сергей Есенин и Яков Блюмкин познакомились, по всей видимости, в Москве весной 1918 года, во время съезда партии левых эсеров. Секретарю Ассоциации вольнодумцев Матвею Ройзману крепко врезались в память такие слова чехиста, обращенные к Есенину: "Я — террорист в политике, а ты, друг, террорист в поэзии!" "Горел. Сгорал. Жёг жизнь с двух концов..." Вадим Шершеневич вспоминает, что когда у поэта-имажиниста Сандро Кусикова в квартире освободилась комната, Блюмкин получил на нее ордер. До этого он, не имевший собственной жилплощади, жил в разных московских гостиницах. Например, адрес гостиницы "Савой" был указан на поручительствах Блюмкина за Сергея Есенина и братьев Кусиковых — Александра и Рубена, арестованных МЧК по ложному доносу в ночь на 20 октября 1920 года на квартире в Большом Афанасьевском переулке, д. 30, кв. 5. В этой квартире рядом с Арбатом жил тогда и Есенин. Внешность Блюмкина, этого "чёрного ангела революции", описывалась многими, и всегда по-разному. "Невероятно худое, мужественное лицо обрамляла густая черная борода, темные глаза были тверды и непоколебимы", — писал Виктор Серж (Кибальчич), поэт-революционер, впоследствии арестованный (затем выпущенный) чехистами. Со временем невероятно худое лицо преобразилось в довольно круглое, и поэтесса Ирина Одоевцева вспоминала о нем уже как о мордатом чехисте, ражем и рыжем (впрочем, цвет волос он менял неоднократно). Другой современник изображает Блюмкина широкоплечим, довольно упитанным, пухлогубым, черноволосым. Поэт Мариенгоф упоминает его "жирномордостью" да к тому же добавляет, что пухлые его губы были всегда мокрыми и при сильном волнении он забрызгивал слюной всех окружающих. Да ещё лез целоваться... На некоторых фотографии не разберешь, толст он или худ: щеки скрывает борода. Зато вышеупомянутый Серж вспоминает: "Его суровое лицо было гладко выбрито, высокомерный профиль напоминал древнееврейского воина". "Древнееврейский воин" увлекался собственным имиджем, декламировал стихи Фирдоуси, других восточных поэтов.. Словом, Яков Блюмкин был многолик... На восточном отделении Академии Генштаба готовили разведчиков для стран Азии, хотя Блюмкин уже был вполне сложившимся и профессиональным шпионом. Именно там, в Академии, он встретил Татьяну Исааковну Файнерман, дочь известного толстовца Файнермана-"Тенеромо", и вскоре на ней женился.. После замужества Татьяна, унаследовавшая отцовские авантюризм и самомнение, почти немедленно оставила медицину, которой к тому времени учился уже четыре года, ради занятий литературой и искусством. Склонность к возвышенному объединяла супругов Блюмкиных. В их маленькой комнате в квартире по-

эта-имажиниста Кусикова стену украшали перекрещенные сабли, на столе стояли бутылки отличного вина, а сам хозяин поражал воображение гостей то красным шелковым халатом и восточным чубуком в аршин длиной, то роскошным креслом, на котором восседал, как на троне, завернувшись в плед. Кресло считалось подарком монгольского принца. Брак с Татьяной Файнерман оказался не особенно удачным и через несколько лет распался. Однако в своем завещании Блюмкин просил власти о назначении пенсии бывшей жене и их общему сыну Мартину. Блюмкин печатался в "Правде", пописывал стихи (по отзывам — очень разного уровня...), до нас не дошедшие, а также был завсегдатаем "Кафе поэтов" и "Стойла Пегаса". Иногда он даже сам вел поэтические вечера. "Дорогой Блюмочка" пользовался расположением Маяковского до тех пор, пока — уже в конце двадцатых — мучительно ломавший себя поэт не почувствовал в нём идейного противника. В то время Маяковский уже с трудом заставлял себя восхищаться государственностью, строительством и бюрократическим окостенением революции, Блюмкин же оставался романтиком плаща и кинжала, и после бурной дискуссии Маяковский от него навсегда отвернулся.

Блюмкина видели у Горького; "буревестник революции" очень заинтересовался "романтиком революции" (так называл террориста поэт Вадим Шершеневич). Когда Есенина арестовали по ложному доносу, Блюмкин предложил взять его на поруки. Впрочем, их отношения были вовсе не безоблачными. За год до гибели поэта Блюмкин грозил Есенину револьвером и тюрьмой, когда ему показалось, что поэт флиртует с его любовницей. И тут же пытался соблазнить жену Есенина, которую, заболтав, завел к себе в номер гостиницы. Верная жена дотянулась до кнопки вызова прислуги или охраны. Резкий звонок отрезвил ловеласа, и он отпустил жену приятеля. Ряд сторонников появившейся в 1970 — 1980-е годы версии об убийстве С.А. Есенина связывает со смертью поэта именно Блюмкина; некоторые из них приписывают ему подделку предсмертных стихов Есенина ("До свиданья, друг мой, до свиданья..."), что опровергается специально проведенной экспертизой автографа. Другие прямо называют его убийцей поэта. Но большинство источников, несмотря на свидетельств (опять же якобы) очевидцев и повторную экспертизу в 1993 г., эту версию исключают. Многими отмечалась склонность Якова к черной мистике, к оккультизму, он владел редкой способностью — искусством перевоплощения, как оборотень, умел менять внешность, превращаясь из двадцатилетнего парня в дряхлого старика. Живя одно время в квартире Луначарского, с которым дружески сошёлся, принимал и там приятелей в бухарском халате, с длинной трубкой и томом Ленина в руках (говаривали — всегда открытым на одной и той же странице), а потом демонстративно переодевался в гимнастерку с тремя ромбами в петлицах. Некоторые пишут, что он был дьявольски умен, другие считают его весьма недалеким, но очень хитрым человеком. Все сходится, однако, в том, что он испытывал сильнейшее пристрастие к деньгам, выпивке, женщинам.

Последующие события, при всём их невероятном многообразии, более-менее последовательны в хронологическом плане.

В 1922 году, после окончания сокращенного курса Академии Генерального штаба, Блюмкин становится адъютантом наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого. Выполняя особо важные поручения, тесно сошёлся с наркомом. Блюмкин редактировал (если считать, что она в этом нуждалась...) первый том программной книги Троцкого "Как вооружалась революция" (издание 1923 года). Троцкий писал о Блюмкине: "Революция предпочитает молодых любовников". Осенью 1923 года по указанию Дзержинского Блюмкин вновь становится сотрудником Иностранного отдела ОГПУ. Одновременно введен в состав Коминтерна для конспиративной работы.

Хроники гласят, что он командовал штурмом города Баграм-Тепе, захваченного персидскими войсками в 1922 году. Участвовал в пограничных комиссиях по урегулированию спорных вопросов между СССР, Турцией, Персией. Очевидно, тогда же Блюмкин, знавший восточные языки, тайно выехал в Афганистан, где пытался найти связь на Памире с сектой исмаилитов, почитавших в качестве живого бога своего лидера Ага-хана, который жил тогда в Пуне (Индия). С исмаилитским караваном Блюмкин в образе дервиша проник в Индию. Однако там он был арестован английской полицией. Из тюрьмы бежал, прихватив с собой секретные карты и документы арестованного английского агента.

По заданию председателя Коминтерна Г. Зиновьева в связи с назревавшей революцией в Германии был командирован туда для инструктирования и снабжения оружием немецких революционеров. В 1924 году

работал в Закавказье политическим представителем ОГПУ и членом коллегии Закавказской ЧК. Одновременно он являлся помощником командующего войсками ОГПУ в Закавказье и уполномоченным Наркомвнешторга по борьбе с контрабандой. Участвовал в подавлении крестьянского восстания в Грузии и антисоветского выступления чеченцев, которые, по восторженному утверждению одного из источников, "перед Блюмкиным трепетали!".

В 1926 году Я. Блюмкин направлен представителем ОГПУ и главным инструктором по государственной безопасности Монгольской Республики. Выполнял спецзадания в Китае, Тибете и Индии. В 1927-м отозван в Москву в связи с тренирами с монгольским руководством и дезертирством начальника Восточного сектора ИНО Георгия Агабекова. Бежав на Запад, Агабеков рассекретил сведения о деятельности Блюмкина в Монголии, в т. ч. о совершении им убийства П.Е. Щетинкина — инструктора Государственной военной охраны МНР и секретаря партиячейки.

Тема Блюмкина продолжает интересоваться исследователей. В новейшей литературе появились работы А. Ильичевского, Я. Леонтьева и Д. Маркиша, посетившего пару лет назад литературный фестиваль в Одессе.

Многочисленно красочно описан считающийся достоверным факт пребывания Блюмкина в экспедиции Н.К. Рериха на Гималаи ("поиски Шамбалы"). В книге Олега Шишкина "Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж" (1999), в которой содержится более 150 ссылок на документы различных архивов, утверждается, что Яков Блюмкин под видом буддийского монаха принимал участие в центральноазиатской экспедиции Н. Рериха. ОГПУ использовало Блюмкина в качестве одного из главных координаторов Тибетской миссии по свержению Далай-ламы XIII. Попав в Лхасу, участники экспедиции должны были попытаться спровоцировать противостояние между Далай-ламой и Тashi-ламой, чтобы вызвать беспорядки в Тибете и сместить неугодного СССР Далай-ламу XIII. По мнению Шишкина, главная роль в этой затее отводилась Николаю Рериху. Яков Блюмкин присоединился к экспедиции Н.К. Рериха, продвигавшейся в то время по Индии, осенью 1925 года, под видом монгольского ламы. Николай Рерих восхищался эрудицией "ламы" Блюмкина, делал неоднократные записи о нём в своем дневнике, что подтверждали в своих записях вдова Рериха Елена и его сын Юрий.

Согласно версии Шишкина, Блюмкин прошёл с экспедицией Рериха Западный Китай, а затем в июне 1926 года прибыл в Москву вместе с Рерихом. Также совместным был дальнейший путь по Тибету, где миссия по свержению Далай-ламы потерпела фиаско. Шишкин указывает, что, по воспоминаниям Н.А. Луначарской-Розенель, именно Блюмкин привёл Рериха, "этого недоброго колдуна с длинной седой бородой", в гости к наркому просвещения А.В. Луначарскому. Одним из доказательств участия Блюмкина в центральноазиатской экспедиции Рериха Олег Шишкин считает фотографию из экспедиционного паспорта до Пекина, выданного китайским губернатором в Урумчи в 1926 году. В документальной повести Шишкина на этой фотографии первый слева лама с галстуком — Яков Блюмкин. По мнению А.В. Стеценко, представителя одной из рериховских организаций, заместителя генерального директора Музея имени Н.К. Рериха, на фотографии изображен ладакец Рамзана, а не Блюмкин. Представители различных рериховских организаций критически отнеслись к книге Олега Шишкина. В качестве одной из основ для критики используется заявление бывшего шефа пресс-центра Службы внешней разведки Российской Федерации генерала Ю. Кобаладзе. Он заявил: "Известного учёного перепутали с агентом Буддизма, и отсюда пошла вся путаница. С нашей политической разведкой Рерих связан не был. Я заявляю это официально". Не исключено, что такая категоричность связана именно с тем, что миссия Рериха планировалась и осуществлялась советскими спецслужбами. Тоталитарные режимы испытывали необъяснимо сильную заинтересованность в секретах Шамбалы. Достаточно вспомнить секретную организацию "Ане-нербе", существовавшую в недрах СС. В 2000 году заместитель директора Международного центра Рерихов А.В. Стеценко встречался с Б. Лабусовым, сменившим Ю. Кобаладзе на его посту, и сообщил, что "в отличие от своего предшественника Лабусов не проявил ни малейшего желания опровергнуть измышления Шишкина, сославшись на все тот же Закон о Службе внешней разведки, который в 1993 году, когда материалы о Рерихе и его экспедиции были переданы из архива внешней разведки в МЦР, обязывал их рассекретить и сделать общедоступными". Кроме того, по его утверждению, Стеценко проверил архивы, на которые ссылается Шишкин в своих публикациях, и нашёл некоторые несоответствия.

В 1928 году Блюмкин — резидент ОГПУ в Константинополе (Стамбуле). Курирует весь Ближний Восток. По заданию ЦК ВКП(б) он занимался также организацией в Палестине резидентской сети. Блюмкин наладил через каналы ЧК вывоз и продажу еврейских манускриптов и антиквариата из СССР. ОГПУ проделало огромную работу в западных районах СССР по сбору и изъятию старинных свитков Торы, текстов Талмуда. С целью изъятия старинных еврейских книг Блюмкин выезжал в наш город Одесса, в Ростов-на-Дону, в местечки Украины — Проскуров, Бердичев, Меджибож, где обследовал библиотеки синагог и еврейских молитвенных домов. Книги изымались даже из государственных библиотек и музеев. В Палестине Блюмкин наладил контакт с Леопольдом Треппером, будущим руководителем антифашистской организации и советской разведывательной сети в нацистской Германии, известной как "Красная капелла". Был депортирован английскими мандатными властями.

В следующем, 1929-м, году он находился там же, в Стамбуле (в ипостаси персидского купца Якуба Султанова), и когда там летом 1929 года появился высланный из СССР его кумир Л.Д. Троцкий, Блюмкин не замедлил посетить его. В ОГПУ поступил агентурный сигнал о том, что Блюмкин согласился передать секретное письмо Троцкого Радеку и обсуждал способы установления нелегальной связи с троцкистским подпольем в Москве. Считается, что это подтвердилось. Зная изворотливость Блюмкина, после консультации с Ягодой начальник 1-го Главного управления ОГПУ (позднее КГБ СССР) Трилиссер не стал отдавать прямой приказ о его аресте, а приказал агенту ОГПУ Лизе Горской-Розенцвейг (впоследствии — подполковник ГБ Зарубина, участник Манхэттенского атомного проекта), отбросив буржуазные предрассудки, совратить Блюмкина (хотя есть версия, что они были давними любовниками и даже вступили в брак), выяснить детали его сотрудничества с Троцким и обеспечить его возвращение в Москву. Руководил операцией нелегальный агент ОГПУ в Стамбуле Наумов (Л. Эйтингон), ставший впоследствии "ангелом смерти" Троцкого, организовавшим его убийство в Мексике. Замысел удался, и когда Блюмкин по прибытии в Москву в компании Горской был арестован, он сказал ей: "Лиза, я знаю, это ты предала меня!" А на казнь, по свидетельству Орлова, он пошел спокойно, со словами "Да здравствует Троцкий!", став, таким образом, первым большевиком, расстрелянным в СССР. Сталин ценил талантливых шпионов, мог им многое простить, только не троцкизм.

Небезынтересно, что Лизу Розенцвейг, родившуюся в Черновцах (тогда Буковина была в составе Румынии), а позже оказавшуюся в СССР, вовлекли в коммунистическое движение, а заодно и в подпольную организацию румынских красных её двоюродная сестра Анна Паукер, впоследствии министр иностранных дел социалистической Румынии, расстрелянная в начале 50-х как агент мирового империализма, и двоюродный брат Карл Паукер, парикмахер бухарестской оперетты, чудесным образом превратившийся в видного чехиста в Москве. Он возглавлял оперативный отдел ГПУ, был всемогущим начальником личной охраны Сталина — самым доверенным лицом вождя в период его воцарения на советском троне и расправы с соперниками. За это благодарный Хозяин и самого Карла поставил к стенке в 1937-м. Такая семейка, такие судьбы...

В 1920-е годы Блюмкин был одним из самых знаменитых людей Советской России. Большая Советская Энциклопедия (главный редактор О.Ю. Шмидт) уделила ему более тридцати строк. Валентин Катаев в повести "Уже написан Вертер" наделил своего героя, Наума Бесстрашного, его чертами и портретным сходством. В современных текстах о Блюмкине никто не симпатизирует ему, разве что троцкисты: слышном он не подходит к стереотипам русского, советского, или постсоветского, или еврейского, сионистского героя. При его характеристике используются анахронизм "террорист", хотя в то время его бы назвали диверсантом, и это не носило бы отрицательного оттенка. Действия его вернее было бы назвать общим термином — спецоперации, а его самого — агентом спецслужб. Сама карьера Блюмкина говорит о том, что человеком он был незаурядным.

Решение "тройки", приговорившей Я.Г. Блюмкина, в архивах обнаружено, а акт о смерти отсутствует.

Все многочисленные события этой уникальной судьбы произошли с кинематографической быстротой — за какие-нибудь пятнадцать лет сознательной жизни.

К моменту расстрела во внутреннем дворе здания НКВД на Лубянке (считается, что это произошло 12 декабря 1929 года) нашему земляку Якову Блюмкину было всего тридцать лет или немногим больше...

Александр ЧАЦКИЙ

Дина Фрумина

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

"Приходите почаще.
Ведь в какой-то из дней я уйду
И не вернусь никогда"

(из беседы с Д. М. в 2005 г.).

Есть люди, значение которых при жизни общепризнанно (я не имею в виду официальную власть), но с их уходом оказывается, что они становятся нужнее, значение их возрастает. Как часто теперь я вспоминаю Дину Михайловну, хотя раньше я мог неделю-другую ей не звонить, а позвонив, слышал шуточный ответ на вопрос: "Как дела?" — и легкую обиду на то, что так долго ей не звонил.

В последние годы, когда физические силы стали убывать, она экономно их расходовала, редко выходила на улицу и всегда огорчалась, когда не могла посетить чью-то выставку. Когда ей трудно стало рисовать маслом, она перешла на пастель. Мечтала нарисовать портрет Киры Георгиевны Муратовой...

В последний месяц жизни Дина Михайловна заинтересовалась поэзией Эвелины Шац и, зная, что у меня большая библиотека, спрашивала ее книгу. К сожалению, книг Э. Шац у меня не было. Тогда Дина Михайловна попросила книгу воспоминаний Валентины Голубовской, которая упоминает о ней.

В последнее воскресенье ее жизни я принес книгу и неожиданно сильно огорчил Дину Михайловну тем, что забыл показать ей этюд Л.К. Богодаровой, который недавно приобрел, и хотел знать ее мнение о нем.

Дина Михайловна рассказала, что знала Л.К. Богодарову до войны по Одесскому художественному училищу, затем — по Киевскому художественному институту. "Когда у меня была большая выставка на Пушкинской (в музее западного и восточного искусства в 2002 году), — сказала мне Дина Михайловна, — она приходила на выставку и оставила в книге отзыв..." — тут Дина Михайловна замолчала, и я за нее досказал: "Хвалебный отзыв". "Да, очень похвальный, поэтому я хотела посмотреть ее этюды. А каков Ваш?"

"Это фонтанский берег в жаркий, знойный день, когда море сливается с небом, по цвету напоминая топленое молоко, а воздух от жара делает предметы размытыми, дрожащими. Я принесу его в следующее воскресенье!"

Но рано утром в субботу, 30 июля 2005 года, Дина Михайловна почувствовала себя плохо, вышла на балкон... и воскресенье для нее уже не наступило.

Похоронили Дину Михайловну на Третьем еврейском кладбище. Проститься с ней пришли художники, искусствоведы, работники одесских музеев и просто знакомые. Людей и цветов было много. Когда опускали гроб, пошел дождь, как часто бывает, когда хоронят хороших людей.

В январе 2005 года, как-то в телефонном разговоре... а у нас была традиция: после окончания всех дневных дел, к часам 23-м, Дина Михайловна освобождалась и могла мне позвонить или ответить на мой звонок. Разговор обычно продолжался час-полтора. Так вот, в январе Дина Михайловна мне говорит: "А знаете, я стала писать воспоминания о художественном училище!" Писать ей было легко, ведь она многие эпизоды рассказывала своим друзьям, только времени было мало — по ночам, после всех дневных хлопот. Но она успела! Книга должна была выйти к 30 мая — дню 140-летия Одесского художественного училища — и была подписана в печать в издательстве "Друк" 15 апреля.

Книжка уникальна вдвойне: количеством людей, которые проходят перед нами, и личностью автора, который на склоне лет (91 год) смог создать такое яркое полотно, не сидя в библиотеке, архиве, не пользуясь вспомогательной литературой.

Помощь Дине Михайловне оказала Тамара Петровна Михайличенко, которая перевела рукопись в набор и занималась ее редактированием. Спасибо ей.

На пространстве в 120 страниц создается жизнь училища на протяжении 40 лет.

Книга фрагментарна, но, как из мозаики создается картина, так из отдельных фрагментов возникает широкая панорама жизни одесских художников в середине XX века.

Она дает краткие, точные характеристики творчеству многих художников (Мучник, Фраерман, Жук), прослеживая судьбу некоторых из них (Волокидин, Шовкуненко).

Легкий слог автора заставляет читателя просто "проглотить" книгу. Поразительно число студентов, преподавателей, которых вспоминает, характеризует, описывает дальнейшую судьбу Дина Михайловна. Перед глазами проходит галерея в несколько сот (!) героев.

Хочется, чтобы власть предержащие обратили внимание на несколько дельных замечаний, вскользь сказанных Диной Михайловной.

В частности, об отделении театрального училища от художественного, о переименовании училища имени художника Грекова (Митрофанова), который лишь окончил одесское училище до революции, в училище имени художника П.Г. Волокидина, который много лет преподавал в нем.

Перечитывая свою книгу, Дина Михайловна говорила мне, что она вспоминает дополнительные эпизоды, которые можно было бы внести во второе издание (ведь тираж, за счет автора, был 100 экземпляров). К нашему сожалению, этого уже не будет.

Наш читатель не избалован литературой об одесских художниках. Могут назвать лишь шесть²⁾ книг, вышедших за полвека: две книжки киевского искусствоведа В.А. Афанасьева ("Товариство південноросійських художників", Киев, 1960 г. и "Майстри пензля", Одесса, 1960 г.), книгу В.П. Смирнова и А.П. Грабовского "Баранова, 27", Одесса, 1993 г., которые посвящены одесским художникам конца XIX — начала XX века. В 2001 г. в Одессе вышел сборник по истории авангардного искусства Одессы в XX веке, под названием "Черный квадрат над Черным морем", в 2002 году — воспоминания Михаила Кириковича Костанди об отце, в 2003 году — книга С.С. Шевелева "Одесское художественно-театральное училище им. Грекова (1865 — 2001 гг.)".

Но вернемся к книге Дины Михайловны: читая ее, невольно постигаешь трагедию Отечественной войны — столько талантливых художников она забрала.

Мне, влюбленному в искусство импрессионистов, приятно было прочитать такую мысль Дины Михайловны:

"К сожалению, передвижники, приглашая одесских художников для участия в выставках (сулящих материальный интерес), оказали значительное влияние на живопись одесситов, заразив литературностью социального характера, иллюстративностью". Это "к сожалению" дорогого стоит!

А как точна критика работы Художественного музея на ул. Софиевской. В экспозиции которого мало находим живописи нового

времени, этюдов Коновского, Феферкорна, Ольшанецкого и многих других художников.

"Музей не утруждает себя хотя бы периодическими экспозициями произведений, хранящихся в запасниках, что повысило бы профессиональную значимость, ценность, а отсюда и посещаемость музея, так как бесценная экспозиция снижает интерес к нему.

Теперь, когда гибнет дворец Воронцова, можно поставить и положительно решить вопрос об организации там филиала музея образцового искусства, в запасниках которого хранятся произведения, достойные созерцания".

А мысль о выставках лучших работ учащихся училища с правом на продажу, ради материальной поддержки их авторов? Разве это не злободневно?

"Студентам никогда не жилось настолько вольготно, чтоб не возникала необходимость побочной работы. А это всегда отнимает время и силы учащихся, необходимые в учебном процессе".

Скупно пишет Дина Михайловна о своей личной жизни, своих друзьях. Все страницы посвящены Искусству, художественному училищу.

Дина Михайловна вспоминает: "Я была однажды (!) приглашена для участия во вступительных экзаменах в училище. Директор собрал нас, коллег (...) и объяснил, в чем заключаются обязанности экзаменатора живописи, рисунка и композиции, затем вскрыл конверт и... прочитал: "Рабочих — столько-то процентов, колхозников — столько-то процентов, служащих — столько-то процентов, евреев — столько-то процентов". Удивившись, я спросила: "Еврей — это профессия, рабочий — это национальность?..."

Во вступительных экзаменах я участия больше не принимала".

Не могу отказать себе в удовольствии привести следующий пассаж Дины Михайловны, точно рисующий ситуацию в учебных заведениях страны. (Дина Михайловна преподавала с 1948 года по 1968 год.)

"...Преподавать с каждым годом становилось все труднее. После войны (...) все еще свирепствовала сталинская эпоха, система доносов, допросов, арестов еще не миновала. Бездарных, слабых учеников вербовали в доносчики. Эту миссию они выполняли охотно, получая сносные отметки и диплом. Художником никто из них потом не стал, но название "художник" давало им какие-то возможности занять место, дающее средства к существованию. На этих административных должностях, кроме вреда, от них нечего было ожидать, они выслуживались перед КГБ, становились его чиновниками, продолжая из зависти делать зло".

"Для нас, преподавателей, перегрузка, связанная с общим потоком забот, преодолением количества письменной работы по программе и отчетам о работе, которую админи-

страция училища считала значительнее сути обучения, была общей бедой и темой протестов бюрократизму администрации".

В заключение Дина Михайловна отмечает, что "многое зависит от степени дарования, от любви к избранному делу, но чуть ли не главным здесь становится трудоспособность студента, его настойчивость в реализации неугасимого чувства Прекрасного, которое требует выражения.

Надо развивать трудом ученика заложенные в нем ростки чувства Прекрасного, не задевая, не нарушая его индивидуальности обыденностью, стандартностью указаний".

Дина Михайловна нашла в себе силы остаться собой вопреки эпохе. Для нее вопросы духовной жизни были выше любой обыденности.

После выхода книги Дина Михайловна задумала написать еще две: "Эвакуация" и "Самарканд". "Эвакуация" была закончена в июле. Будем надеяться, что ее удастся издать. И как жаль, что "Самарканд", о котором она столько рассказывала, о Дуковичах, Фальке, Герасимове и многих других, уже никогда не будет прочитан нами.

Книга Дины Михайловны "Мои воспоминания" отпечатана на хорошей бумаге; не в цвете, но прекрасно передан акварельный автопортрет. В конце книги на 20 страницах приложены фотографии неожиданно хорошего качества. Досадно лишь отсутствие расшифровки под групповыми снимками, да редкие опечатки напоминают о спешке (к юбилею училища). Хорошо было бы при переиздании книги (а оно, несомненно, будет!) дополнить книгу "именным указателем" и репродукциями некоторых картин учеников Дины Михайловны.

Дину Михайловну заботила судьба тяжелобольного сына и своих произведений. Конечно, она мечтала о создании своего музея. Но на 6-м этаже (в доме без лифта), в коммунальной квартире, где она жила, сделать это невозможно, а переезжать куда-то ниже она не хотела.

За полвека жизни здесь она полюбила и этот район (Сабанский переулок) вблизи парка Шевченко, и перспективу, которая открывалась с ее двух балконов (и которую она часто писала). Была огорчена новостройками, портящими перспективу, заменой дома Бернардацци домом, архитектура которого создана по мотивам дома Бернардацци.

В заключение хочу привести "Завет" Дины Михайловны из книги (стр. 109):

"Художники не умирают. Они живут в своем наследии, которое мы, неблагодарные, должны научиться хранить на радость тем, кто чувствует и понимает их".

Говорят, что Музыка возвышает душу. То же самое можно сказать о Живописи Дины Михайловны Фруминой.

1) Через несколько лет это было сделано.
2) К 2005 году.

Евгений ДЕМЕНОК

Жванецкий

Вся проблема этого мира в том, что дураки и фанатики всегда уверены в себе, а умные люди полны сомнений.

Бертран Рассел.

Это удивительное свойство — знать о своем таланте и бесконечно сомневаться в нём.

Оно присуще только настоящим творцам. Сентябрь 2012-го. Михал Михалыч заканчивает очередной одесский сезон и уезжает на зиму в Москву. И, как обычно, прощальный вечер для друзей.

— Я читать сегодня не буду. Посидим, пообщаемся — и всё. Читать не буду.

— Михал Михалыч... Ну пожалуйста...

— Ладно, подумаю. А пока — давайте выпьем.

Конечно, он хочет читать. Конечно, он пригласил много нового.

Через две минуты:

— Ну что, вы готовы послушать?

Мы всегда готовы.

Он читает великолепные миниатюры об отце. Полные мудрости, грусти и нежности.

Мы зачарованно слушаем.

— Почему вы не смеетесь? Вам что, не смешно?

— Очень смешно, Михал Михалыч!

— Ну так смейтесь! Хлопайте!

Ему каждый раз важна реакция аудитории.

Он каждый раз проверяет себя и сомневается.

— Неделя назад я читал в Клубе — так они не в тех местах смеялись! Лёня, что за гостей

ты приглашаешь в Клуб? Надо отбирать не по принципу уплаты взносов, а по наличию чувства юмора!

К Михал Михалычу подсаживаются гости:

— Миша, ты такой талант! Как у тебя получается так писать?

Он отвечает довольноно:

— Я сам не понимаю, откуда это приходит. Иногда напишу что-то и не перечитываю; смотрю через полгода — совершенно не помню, как писал. Как будто диктовал кто-то.

И всё же — каждый раз сомневается в себе.

Чтения в Клубе — это отдельная история.

Два раза в год, поздней весной и ранней осенью, тридцать счастливчиков могут послушать новое. То, что Михал Михалыч написал совсем недавно — настолько недавно, что при чтении иногда сам с трудом разбирает написанное. Крупные буквы, но быстрый почерк...

Обычно за вечер он читает несколько раз.

Сначала нехотя, и мы его уговариваем. Потом он уговаривает нас.

Все мы знаем этот сценарий. Мы хотим услышать — а он хочет прочесть.

И ещё он хочет, чтобы мы смеялись.

— Вам что, не смешно?

— Очень смешно, Михал Михалыч!

— Ну так смейтесь! Смейтесь!

Через несколько секунд после удачной фразы зал взрывается от хохота.

И тогда он победно вскидывает руку.

Традиционный для новичка сценарий на та-

ких вечерах — попросить автограф на заранее купленной книге и сфотографироваться с мэтром.

После того как очередь желающих заканчивается и часть народа уходит, Михал Михалыч подходит к барной стойке, и Галина Ивановна наливает ему коньяк.

Иногда он остаётся совсем один.

Это самые лучшие моменты. Моменты, когда можно поговорить по душам.

— Представляешь, Женя, я был недавно с концертом в Баку. Поселился в гостинице, готовлюсь. Я перед концертом не хожу никуда, не гуляю по городу и ни с кем не встречаюсь. Мне нужно сосредоточиться. После — пожалуйста.

И тут вдруг звонок:

— Алло, это Михаил Михайлович?

— Да.

— Вас беспокоят из администрации президента. Господин президент хочет с вами поговорить.

Ну что — я, конечно, соглашаюсь. Слышу в трубке голос Ильхама Алиева:

— Михаил Михайлович, здравствуйте! Я ваш давний поклонник и хотел бы пригласить вас сегодня на обед.

Я говорю, что перед концертом никуда не езжу.

— Не страшно! Тогда мы приедем к вам в гостиницу.

И они действительно приезжают к нам в гостиницу. Президент с женой. Жена — красавица. Накрывают сумасшедший стол. И он рассказывает мне, что любит меня с самого детства, что вырос он в Москве, где работал тогда его отец, и общался только на русском, азербайджанский выучил гораздо позже, когда они уже вернулись в Баку. Он цитирует меня постоянно. Он говорит:

— Я даже не мог себе представить такого! Я ужинаю с самим Михал Михалычем Жванецким!

Представляешь, Женя? Президент мне такое говорит!

Я представляю. Точнее, пытаюсь представить себе мысли обоих.

— Кто я? — думает Михал Михалыч. — Простой одесский пацан из обычной еврейской семьи. Окончил "водный", работал в порту... Да, у меня, наверное, талант. Пожалуй, точно талант. Я пишу смешные, иногда грустные вещи. Выступаю. Да, меня знают. Но мог ли я подумать, что ко мне в гостиницу придет сам президент?

— Кто я? — думает Алиев. — Да, сейчас я президент. Да, я из знаменитой семьи. У меня есть власть. Но это все преходяще. А талант вечен. Пройдет десять лет — будут ли помнить меня? Жванецкого точно будут.

— И чем все закончилось, Михал Михалыч?

— спрашиваю я.

— Мы посидели часа четыре, а потом я попросил их уехать — мне нужно было готовиться к концерту. Ты же знаешь — я не могу в день концерта гулять, разговаривать, есть. Волнуюсь.

21 марта 2014-го — юбилейный концерт в одесской музкомедии.

Михал Михалычу восемьдесят.

Когда он выходит на сцену, весь зал аплодирует стоя.

— Как приятно выступать в родном городе! Там, где тебя понимают! И всё равно — волнуясь, как мальчишка! Каждый раз! Как-то было — чего волноваться в моём-то возрасте? И всё равно: каждый раз — как мальчишка.

А что? Только дураки не сомневаются!

Начинает читать.

Зал слушает, затаив дыхание. Потом взрывается от смеха.

Михал Михалыч победно вскидывает руку.

— Ну что, есть у меня талант?!

Риторический вопрос.

Михаил Михайлович, мы вас любим.

Дважды спасённая работа Давида Бурлюка

Те, кто живет в «старом» центре — счастливики. Каких только чудес не встретишь порой в старых квартирах — старинные картины на стенах, уникальные книги в библиотеках... Да что там в квартирах — иногда чудеса можно обнаружить... в мусорном контейнере. Или возле него.

Так случилось однажды на улице Конной с одной юной студенткой нашего художественного училища, в конце 80-х годов... Проходя мимо мусорных баков, она заметила, что в одном из них, прямо сверху, лежит папка, из которой выглядывают листы с рисунками. В папке оказались десятки листов графики художников ТЮРХа — Кириака Костанди, Тита Дворникова, Герасима Головкова, Владимира Заузе. И не только «южнорусских» — среди рисунков оказались листы работы Сандро Фазини, брата Ильи Ильфа, одного из активных участников Общества независимых. И — акварель Давида Бурлюка.

Работа Бурлюка привлекла внимание одной из последних — в послевоенное советское время это имя было не на слуху. Бурлюка знали в основном литературоведы — как друга Владимира Маяковского. А ведь в 30-е годы обладание такой работой могло стоить хозяину свободы — достаточно вспомнить судьбу работ художников русского авангарда, хранившихся в Одесском художественном музее; и судьбу самого директора музея Цви Савельевича Эмского-Могилевского, который был расстрелян в 1937-м. Работы Кандинского, Ларионова и других были попросту уничтожены — в эпоху восторжествовавшего соцреализма им не было места в советских музеях и коллекциях. Поэтому то, что акварель Давида Давидовича сохранилась в частной коллекции до конца 80-х, — маленькое чудо.

Второе чудо и спасение — то, что у мусорных баков именно в этот момент оказался художник. Страшно подумать, сколько шедевров погибло в нашем городе в годы революции и войны. Немало погибло и потом — из-за незнания, невнимательности, равнодушия... Но небольшая работа Бурлюка выжила. И это здорово.

Интересно, что легендарный одесский краевед и коллекционер Сергей Зенонович Луцкий знал о художнике и коллекционере, жившем на углу Пастера и Конной... Увы, то, что мы собираем всю жизнь, может иногда оказаться неинтересным и ненужным тем, кто идёт вслед за нами...

Пейзаж с деревьями, горами и морем — нередкий сюжет для Бурлюка, начиная с японского периода (1920 — 1922). Однако описываемая работа, скорее всего, является более ран-

ней — не позднее 1911 года, когда Давид Бурлюк окончил по II разряду живописное отделение художественного училища Одесского общества изящных искусств и получил столь необходимый диплом.

«...Зиму 1910 — 11 я и Володя учились в Одессе, где я получил диплом окончания Одесского художественного училища с правом быть учителем искусств в средних учебных заведениях. В России — без диплома — заработок денег был немислим», — эти его слова опубликованы в 55-м номере журнала «Color & Ryhme».

Позволю себе высказать предположение, что эта акварель написана в Одессе во второй период учёбы Давида Давидовича в Одесском художественном училище — в 1910 — 1911 годах. Это предположение вызвано не только стилистикой работы, но и подписью — D. Burluk. Давид Давидович крайне редко ставил начальную букву имени перед своей фамилией. Подавляющее большинство работ подписано просто — Burluk. Именно латиницей, причём с самого раннего периода его творчества. Подписи кириллицей встречаются редко. В случае с описываемой работой буква «D.» в начале подписи могла быть поставлена для того, чтобы отличить работу Давида от работ младшего брата — Владимира, который также учился в Одесском художественном училище в этот период. До нас дошло очень мало работ Владимира, на дошедших подписи также встречается на латинице или как инициалы «В. Б.».

Работы Давида и Владимира Бурлюков представлялись в Одессе многократно — сначала на XVII и XVIII выставках ТЮРХа, состоявшихся соответственно осенью 1906 и 1907 годов, затем в обоих «Салонах» Владимира Издебского. При этом во втором «Салоне», прошедшем с 6 февраля по 3 апреля 1911 года — как раз во время учёбы Бурлюков в Одессе, было выставлено 26 работ Давида Давидовича, 12 работ Владимира Давидовича, пять работ их матери Людмилы Иосифовны Михневич и даже детские двенадцатилетней Надежды Бурлюк. При этом многие из выставленных работ Давида Бурлюка были датированы более ранними годами (1905 — 1909 годы) и выполнены в реалистической манере.

Лоэнгрин [П.Т. Герцо-Виноградский] в своей заметке «Зигзаги» («Одесские новости», 05.02.1918 г.) писал: «Много протестов, вероятно, вызовут гг. Бурлюки. <...> Весьма умно сделали устроители «Салона», выставив в комнате одного из Бурлюков некоторые его вещи, написанные с прежней манерой». Сергей Зенонович Луцкий в своей книге «Одесские «Са-

лоны Издебского» и их создатель» пишет о том, что состав коллекции работ Давида Бурлюка во втором «Салоне» становится понятным, если учесть, что Бурлюк приехал в Одессу получить диплом и был принят сразу в пятый художественный класс. Были представлены произведения разных лет с датировкой каждой картины, что не практиковалось ранее в «Салонах». «Фактически — персональная выставка к экзамену!» — пишет С.З. Луцкий.

Бурлюк был одним из самых «продаваемых» авторов второго «Салона». 26.02.1911 г. «Одесские новости» писали: «Несмотря на явное недружелюбие, питаемое большой публикой к новому искусству, картины левых художников, выставленные в «Салоне», очень бойко продаются». Среди приобретённых названы в том числе 9 работ Давида Бурлюка. «Распроданы почти все картины Давида Бурлюка», — писал «Одесский листок» 11 марта 1911 года.

Бурлюк пробовал себя в совершенно разных жанрах — от реализма через импрессионизм, пуантилизм, экспрессионизм и кубизм к футуризму. Удивительно, но в один и тот же период Давид Давидович создавал стилистически совершенно разные работы. Понятно, что ранние

работы были выполнены в реалистической манере, однако и в 1910 — 11 годах, когда Бурлюк стал уже одним из лидеров русского авангарда, он, тем не менее, продолжал писать реалистические этюды Днепра. Обо всём этом можно прочесть в его воспоминаниях — коих, к счастью, достаточно. Вот что пишет он в своих «Фрагментах из воспоминаний футуриста»:

«<...> гораздо более радикальным между тем оказалось лето 1910 года. Здесь уже были написаны неомимпрессионистические этюды Днепра. К нам приезжали и работали с нами некоторое время Михаил Фёдорович Ларионов, а затем Лентулов. <...> Подобная работа воспроизведена в «Голубом всаднике» Кандинского. У нас в Одессе осенью, Преображенская, 9, был проездом Василий Васильевич Кандинский, и мы отныне стали его соратниками в проповеди нового искусства в Германии».

Этюды Днепра... Наша работа не похожа на этюды Днепра, скорее, это — фантазия художника, воображаемый пейзаж со старинной крепостью на далёком холме... Такие сюжеты характерны и для раннего американского периода, но как могла попасть она в Одессу, если сам Бурлюк в нашем городе после 1914 года не был? И бумага, на которую сейчас наклеена работа, явно дореволюционного производства. Неизвестный коллекционер берёт акварель Бурлюка более семидесяти лет, сохранил её от уничтожения... И я не ошибусь, если назову её спасение маленьким чудом.

Олег КУДРИН

Величие неактуальности

Неразгаданность, таинственность, закрытость Лермонтова — общее место при рассуждениях о нем. Тоже общее, но чуть менее, в некоторые периоды все же опровергаемое — утверждение, что о Михаиле Юрьевиче говорят меньше, чем он того заслуживает, что он недостаточно актуализирован, мало обсуждаем, плохо «вписан» в современность. И все это сочетается с напоминанием: его творчество, как у истинного классика, вечно, неустареваемо, универсально для всех эпох и народов.

Спорить с этими противоречащими друг другу тезисами трудно. Лермонтов в отличие от других классиков первого ряда действительно поразительно мало востребован, закрыт для понимания. И, по большому счету, всеобъемлюще системно не исследован. Всё как-то лоскутно, кусочками, в сумме — разносторонне, но недостаточно взаимосвязано.

Хорошее подтверждение тому: лучший труд о Михаиле Юрьевиче — обширная и объемная «Лермонтовская энциклопедия» (ЛЭ), составленная не концептуально, а по алфавитному принципу. Еще один неплохой маркер — лермонтовский том Библиотеки всемирной литературы. Вступительную статью (и комментарии) для него писал Ираклий Андроников. Статья в пять страничек названа,

словно рассказ для чтения на торжественном концерте — «Подвиг».

Да, кстати, и вступительная статья к фундаментальной ЛЭ — тоже Ираклия Луарсабовича. И тут название статьи тоже о многом говорит — «Образ Лермонтова». Не «Наследие...», не «Миссия...», не «Проблема...», а лишь умело и быстро набросанный образ (с попыткой уловить суть «пламя и света», мерцающую за «огненными глазами» и «армейской наружностью»). Что ж так, почему такая осторожность, не случайная для советского времени и для замечательного, большого, квалифицированного коллектива ЛЭ? Странно. Да, Ираклий Андроников — талантливейший человек, блистательный рассказчик и честный исследователь, но все же эстражник, популяризатор, а не зрящий в суть теоретик, не Лихачев, не Аверинцев, не Лотман.

Припомним основные сюжеты лермонтоведения в два прошедших столетия. В девятнадцатом веке разговор о нем шел преимущественно в двух плоскостях: нравствен/безнравственен, прогрессивен/реакционен. Что дальше? Теоретики и авторы Серебряного века назвали себя продолжателями его наследия. И те из них, кто уехал в эмиграцию, подняли на небывалую высоту утверждение, будто Лермонтов выше Пушкина (что

стало перевертышем прежней максимы: Лермонтов — подражатель Пушкина, «вечно второй»). Параллельно в Советском Союзе в учебном процессе на всех уровнях был забетонирован подход Белинского. Лермонтов Пушкина не выше, зато чрезвычайно нравственен, потому что очень прогрессивен, и за это даже отдельные элементы безнравственности легко прощаемы.

Что еще? Несколько сквозных сюжетов. От Гоголя пошла плодотворная линия рассуждений на тему, каким бы мог стать Лермонтов, если бы прожил дольше и сотворил больше. В своем позитивном развитии она не только смыкалась с тезисом «Лермонтов выше Пушкина», но также утверждала ущербность, а то и ненужность всех остальных классиков «золотого века»... Яркие пророческие стихи Лермонтова о печальной судьбе и трагической судьбе России в сумме с переплетающимися в его творчестве демонической и молитвенной линиями неизбежно вели к тому, чтобы рассматривать его, как великого мистика, космиста, поэтического супермена, заброшенного к нам из других миров. (Ярче всего подобная картина была прописана Даниилом Андреевым в «Розе мира».)

И, конечно же, обязательная работа ученых. Прежде всего, литературоведческое, лингвистическое, так сказать, технологическое изучение его наследия. А также выяснение мельчайших биографических подробностей с неизбежным переходом в сферу масскультуры, когда речь заходила о сюжетах, широко востребованных: детективные подробности дуэли, три версии о «подлинном отце» Михаила Юрьевича, выяснение, какой любимой или нелюбимой было посвящено то или иное творение.

В основном всё. Немного, если сравнить Лермонтова со вторым великим демоном и сновидцем русской литературы (как определил их обоих Достоевский) — Гоголем. То же ведь автор очень сложный, загадочный, вполне мистический. Но это не мешает, а в чем-то и пособляет выстраивать вокруг его творчества и судьбы множество концепций, помогающих идеологической приватизации. Гоголь может быть назван и русским имперцем, и православным философом, и душевнобольным почти-сатанистом, и фундатором языка русской прозы, и украинским русскоязычным писателем, и всем-всем... (Это все не так уж трудно весомо и объемно подтвердить материалом, соответствующим образом подобранным и скомпонованным.)

Не меньший по объему, но, разумеется, несколько иной по заголовкам, по содержанию шлейф идеологических концептов можно найти у других светил «золотого века»: Пушкин, Достоевский, Толстой (обширный список тем, сопровождающих каждое имя, можете составить сами, начиная от имперца Пушкина, «воспевавшего» подавление поляков, и кончая бородатым большевистским «Зеркалом русской революции»). Неоднозначность, многомерность творчества гения позволяет при минимальных умственных затратах, максимальном субъективизме и даже почти без манипуляций, подтасовок делать великого своим идеологическим союзником, предшественником.

Однако с Лермонтовым этот фокус не проходит. Он не присваиваем, не приватизируем, его нельзя адаптировать ни к какой идеологии. При том, что на первый взгляд кажется, будто для этого есть все составляющие — отдельные строки, цитаты или даже законченные произведения. Но все вместе как-то не собирается, не склеивается. Хорошее подтверждение по принципу «от противного» — попытка вписать классика в рамки национал-патриотической идеологии: от давнего фильма Николая Бурляева до свежего томика в серии «ЖЗЛ» Владимира Бондаренко. При всей страстности, убежденности и начитанности, это выглядит так неубедительно, наивно, что, кажется, в снятое и написанное никто, кроме авторов, их близких, друзей, единомышленников, не верит. По крайней мере, настолько, чтоб серьезно обсуждать.

И что же получается? Такой неприсвоенный Лермонтов остается вне войны идеологий, а значит — вне истории идей. И потому кажется недостаточно актуальным, недостаточным современным. Что при соотношении с качеством его произведений, разнообразием и глубиной затрагиваемых тем, говоря обобщенно — статусом классика, представляется, на первый взгляд, явной несправедливостью, каким-то, что ли, недосмотром коллективно-бессознательного и персонального теоретического.

На самом деле такое положение — прямое следствие особенностей его наследия.

Лермонтов, как творец, гармоничен в своей дисгармонии. Его творчество вообще естественней всего описывать оксюморонами. Стильность — в разностильности, рассказ — в недосказанности, фокус — в расфокусировке, в смене взгляда от строчки к строчке. Ты читаешь Лермонтова и, завоженный, не замечаешь, как автор регулярно подкручивает ребристое колесико резкости бинокля. Или телескопа? Или микроскопа? Да уж, ведомый читающий порой и сам не может заметить, когда ведающий автор подменяет не только фокус зрения, но и сам инструмент.

От этого получается эффект сходный с психоделическим. Без музыки, без цвета, без звука, без применения дурманных средств, а от одного только чтения человек сбив с толку, утрачивает на какое-то время и в какой-то степени ориентацию в пространстве — четырехмерном, эстетическом, этическом... Именно поэтому так легко (но и настолько же бессмысленно) говорить о космизме, мистике, мистическом космизме и космическом мистицизме этого творца. (Это ведь тоже древнейшая особенность человека — все непонятное, необъяснимое приписывать сверхъестественному: «богу из машины» — для человека пищащих, инопланетянам — для человека, набирающих тексты.)

И много сложнее добираться до расфокусированной сути. Нынче мы далеко отошли от начала XIX века, когда в пьесе простенько названной «Menschen und Leidenschaften / Люди и страсти», провинциальные герои рассуждают так: «Помилуйте! У них философия преподаётся лучше, нежели где-нибудь! Неужто Кант был дурак?..» Разумеется, нет. И вот в воспоминаниях сослуживца, декабриста Лорера (записанных, очевидно, со слов самого Михаила Юрьевича), два других «Л», Лермонтов и декабрист же Лихачев, в том самом бою у Валиерки под пулями горцев (за минуту до смерти Лихачева) спорили о Канте и Гегеле, да так оживленно, что «часто в жару спора неосторожно оспаривались» (что, похоже, и стало причиной смерти). Знали, чем рисковали. Знали, о чем спорили...

Скажите, спекуляция, опять «игра в мистику»? Но разве не о том же говорится в «Поэте» (1839), лермонтовском самоопределении Творца:

Твой стих, как божий дух,
носился над толпой

И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

А следом язык поэта и колокола f?r uns сразу же надежно упрятывается в универсальную всемирную броню an sich:

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блестящие и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Да, повсюду, куда ни глянь, у Лермонтова не просто двуличие, но «маски», «кора», в которую упрятан человек. И далее тонкая философская игра на смыслах и категориях: приоткрое что-то — да тут же опровергнет, утвердит и сразу усомнится, обобщит — да следом замельтешит (или наоборот), покажет и вскоре (да не раз) сменит экспозицию и фокус. Говоря обобщенно: сплошной Печорин-в-себе плюс-минус Печорин-для-нас (с учетом того, что и Печорин — сильно искаженное отражение).

И еще важное отличие отметим: если «маски» с «блестками» и «румянами» могут восприниматься как нечто наносное, временное, самими людьми используемое, то «кора» — это уже абсолютно точное экзистенциальное определение безнадежной человеческой замкнутости в своем слабом теле и не вечном разуме. Так что не надо иронизировать, подобно критикам, над недоучкой Печориным/Лермонтовым: «Я стал читать, учиться — науки также надоели». Может, и надоели, но освоил он их, освоил, прежде всего, главную «науку жизни» — философию.

Вернемся, однако, к замечательной, подробнейшей Лермонтовской энциклопедии. Каких только статей нет, имеются, скажем, и «Стиль», и «Стилизация», и «Стилистика». А вот «Философия Л.» (или «Философичность Л.», или «Философствования Л.») нет и в помине. Она растворена преимущественно в трех статьях — «Психологизм Л.», «Богоборческие мотивы Л.» и «Религиозные мотивы Л.». Что ж так?

Между мятежным демонизмом и гармоничным восхищением Богоматерью и Природой, конечно, много философии можно уместить, но далеко не всю. Да и вполне прикладной «психологизм» при том, что психология как наука со своей методикой и методологией

сложилась совсем недавно, для автора первой половины XIX века смотрится немного странно, "задним числом". В отличие от философии (ибо в то время психология как раз и оставалась ее частью, оказавшейся вдруг у дверей медицины). То есть психология (как и ее проекция на литтворчество — психологизм) начала XIX века — это философия души.

А заглянем-ка в раздел "Тысяча самых чистых слов" в ЛЭ. В верхних строках — звездная пыль словесности: союзы, предлоги, частицы, местоимения. Несколько глаголов: быть-мочь-знать-сказать-любить-хотеть. (Обратите внимание, какое интересное, философски точное ранжирование действий личности — ее утверждение и самоутверждение, познание и самопознание.) И вот — внимание! — имена существительные. На первом месте "рука" (940). Она едина в трех качествах: церемониальном ("пожал руку"), "помахала рукой"), действующем ("сильная рука оттолкнула", "обвила руками шею") и как невербальный источник информации ("он слушал ее молча, опустив голову на руки", "сложив руки прохаживался угрюмый взад и вперед").

А на втором месте — "душа" (830). Душа, что как раз и составляет предмет исследования психологии. И философия как науки наук. А в трудах какого философа холодный айсберг "души" откололся от материнского ледника общего знания и ушел в дрейф? В работах Фрэнсиса Бэкона — великого эмпирика XVI — XVII веков, первым заговорившего о необходимости такого же подхода и к душе. Бэкон также сказал о необходимости размежевания науки о теле и науки о душе. Припомните, да ведь с этим именно философом и последним его положением шутиливо спорит "недоучка" Печорин/Лермонтов, говоря: "Погружаясь в холодный кипяток нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались. Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал. После этого говорите, что душа не зависит от тела!.."

Из документально зафиксированных упоминаний философических разговоров Лермонтова Бэкон — третье имя (после Канта и Гегеля). Из письма некоего Н. Молчанова московскому литератору В.В. Пассеку: "Беседа его [Лермонтова] с Иустином Евдокимовичем зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходе его Иустин Евдокимович много раз повторял: "Что за умница".

Иустин Дядьковский (1784 — 1841) — врач-терапевт, и практик, и теоретик, уволенный в 1836 году из Московского университета по обвинению в атеизме. Из контекста естественно предположить, что Лермонтов и Дядьковский, рассуждая о Бэконе, говорили в треугольнике философия — физиология — психология. Да и знакомы, скорее всего, они были еще со времен пребывания Мишеля в пансионе-университете (столько общих московских знакомых). И резюме последнего общения: "Что за умница". Стало быть, о Бэконе Михаил Юрьевич рассуждал умно и тонко, раз уж такой тертый эмпирик как профессор кафедры терапии, директор терапевтической клиники, материалист и безбожник отозвался о нем подобным образом. Вот вам — снова-таки — и недоучка.

Вообще интересный результат получается, если сопоставить два знаменитых, как бы саморазоблачительных, а на самом деле самооправдательных, взыскующих к эмпатии, монолога Печорина. Вырежем из них два фрагмента, объединенных, как лезвия ножниц винтиком, словом "наука": "Я стал читать, учиться — науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди — невежды, а слава — удача, и чтоб добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно..." (перед Максим Максимычем). "...узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неумолимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние..." (перед княжной Мэри).

Тут все интересно: как различие, так и сходство. Думается, науки не просто надоели — перед тем они еще помогли понять "свет и пружины общества" и стать искусным в "науке жизни". Однако причины "скуки" или "отчаяния" (на боевого офицера, много повидавшего, больше действует первое слово, на неопытную девушку — второе; хороший пример философского психологизма в действии) все равно не вполне понятны. Ну, "невежды счастливы", ну, "слава — плод удачи", ну, кто-то счастлив "даром", не поняв и не познав науки жизни. И что ж с того?..

Чтобы понять, надо припомнить: что перед тем? "...Я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив". Зависть ли тут главное? Нет, скорее — чувство несправедливости. И оно же, это чувство — валюта, которой Лермонтов/Печорин платит за свое право (если не обязанность) манипулировать этими людьми. Вы глупы и безграмотны, но счастливы и удачливы, так не обесчудьте, если я буду вас изучать. Причем — по Бэкону! — разумеется, эмпирически. Вот в чем суть бесконечных философских-психологических экспериментов Лермонтова (ставших законченными этюдами Печорина), совершавшихся (как это всегда делали смелые, честные исследователи) и над собой. Печорин/Лермонтов — тот же доктор Вернер/Майер, только перо вместо скальпеля, но столь же острое. И именно доктору он наиболее подробно рассказывает — пока не прервут — о своих эмпирических эскзерсисах, прежде всего, над собой (что, как мы понимаем, важно для самооправдания): "Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй... второй?" Главное различие: Лермонтов, в отличие, от Майера, клятву Гиппократу не давал, потому, как аматор, имеет право заявить в предисловии: "...нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте <...> чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков <...> Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!". (Впрочем, это различие не только между любителем и профессионалом, но и меж философом

и психологом-психиатром.) Увы, один из опытов экспериментатора-бэконянца завершился трагически, стал последним...

Итак, пометили: психологизм Лермонтова — философский. Скажете: эка невидаль, этого и у других предостаточно, более всего — у Достоевского с Толстым (всемирного постфрейдовского Толстовского)? Да. Но у Лермонтова почти совершенно нет столь любимой другими прикладной историософии. А та, что порой мелькает, слишком схематично, архетипически-фольклорно, подетски — в духе "Не гонялся бы ты, поп за дешевизной!". И оттого всерьез не воспринимается: "И пришел с грозой военной / Трехнедельный удалец, — / И рукою дерзновенной / Хватя за вражеский венец. / Но улыбкой роковой / Русский витьязь отвечал: / Посмотрел — тряхнул главою... Ахнул дерзкий — и упал! / Но упал он в дальнем море / На невдомый гранит, / Там, где буря на просторе / Над пучиной шумит". Историософия оборачивается сказкой. (Узнаете? "Ветер на море гуляет / И кораблик подгоняет; / Он бежит себе в волнах / На раздутых парусах"). И именно поэтому в ее отсутствие психология, смыкающаяся с физиологией (как мы четко называем эти дисциплины сейчас), у Лермонтова перевешивает...

О! Да, так вот же — и место для непристойных "юнкерских поэм" нашлось! Они не просто помогли обрести легкость и раскованность, самоощущение творческой вседозволенности, не только макнули воздушный романтизм в грязь жизни, тем самым оформив творчество, сделав его материальным, осязаемым. Нет, тут еще экспериментальное установление взаимосвязи физиология-психология-философия. И именно поэтому самое часто используемое у Лермонтова слово сущностное, то есть существительное, даже перед "душой" (соответствующей психологии-философии), — "рука" (физиология-психология)!

А заглянем-ка еще в список "тысячи самых частых слов". Если не брать технологических-драматургических (действующие лица) "Арбенин", "князь", "Нина", то в первые два десятка входят еще день, сердце, жизнь, любовь, бог (жалко, по причине советскости нет расшифровки, разделения на бог и Бог), глаз, слово, люди, грудь, друг, небо, отец, взор, земля, человек, голова, лицо, слеза, лета.

Интереснейший список. Да, конечно, тут в первую очередь можно выстроить философскую, метафизическую цепочку: земля — небо — бог — отец — любовь — слово — душа — человек — друг — люди — жизнь — день — лета... Но, с другой стороны, как много слов, словосочетаний, цепочек, идеально подходящих для материалистического описания поведенческих реакций, порой простейших (и мы помним их в лермонтовской прозе — просто на вкус ощущаем): взор — глаз — слеза, жизнь — грудь — душа — сердце — любовь, голова — лицо — рука.

Вот так трудноразделимо, вопреки ньютоновскому окрику "Физика, бойся метафизики!", сочетаются у Лермонтова оба крыла "науки жизни": физическое и метафизическое, впервые, кстати, разделенные именно Бэконом.

Развиваем помеченное: Лермонтов в философии хорошо подкован и сам как творец философичен, но при том не идеологичен. У него — философия человека (оттого-то он так нравится всяческим мистикам, начиная с антропософов), но не общества. Потому так трудно вписывается Михаил Юрьевич в историю идей, в истмат. Или, как сказала Н.К. Крупская: "Владимир Ильич любил Лермонтова, но как-то "стихийно". Привлекали, должно быть, смелость и сила чувства, которые так ярки у Лермонтова". Вот ведь, казалось бы: системный, прагматичный Ленин, а и тут стихийность и чувственность.

"Ессе Ното; человеческое, слишком человеческое!" — Ницше здесь к месту. И неслучайно — его, помнится, также в последователи Лермонтова записывали. Впрочем, тоже недолго, быстро следовало убедительное опровержение...

Но постоите, кажется, что в этой идеологической неприкаянности есть еще какая-то упущенная составляющая. Несложная, но важная. Так, Бэкон у нас был, Кант — тоже... Вспомним еще Гегеля с его школярским, вечным, легко запоминающимся "Все действительное — разумно, все разумное — действительно". Тезис, мыслившийся окончательно оправданием всему сущему (прежде всего — прусской монархии), как точно подметил Гейне, а за ним — Маркс, на самом деле — революционный. Ведь все, что теряет разумность, через какое-то время перестает быть и действительным.

Кажется, что формула эта параллельна творчеству Михаила Юрьевича. На первый взгляд, у него ничего не разумно и ничего не действительно. Но нет, пожалуй, она все же перпендикулярна. Если вспомнить да обобщить, то разве не верно будет сказать о его наследии: "Все действительное — неразумно, все разумное — недействительно"?

Так, допустим. А как эта максима соотносится с гегелевским утверждением? Да так же, как мятеж-бунт с революцией! Она опро-

вергает все и все взрывает с ходу, не обещая, в отличие от революции, никаких шансов на успех, на победу. Не обещая (опять же — в отличие от революции) после победы, буде она случится, ничего позитивного, системного. И потому еще творчество Лермонтова для любой власти опасно, любой идеологии противопоказано. А значит, априори чуждо дурной актуальности, ангажированной современности (показательно, что атакующему русскому Б-2, Бурляеву и Бондаренко, для "приватизации" Лермонтова пришлось, прежде всего, его приструнить, ввести в рамки, обкорнать — оспорить авторство "Прощай, немытая Россия").

Лучше всех этот "метафизический лермонтовский бунт" описал Мережковский в "Поэте сверхчеловечества".

"Если кто-нибудь из русских писателей начинал бунтовать, то разве только для того, чтобы тотчас же покаяться и еще глубже смириться. Забунтовал Пушкин, написал оду "Вольность" и смирился — написал оду Николаю I, благословил казнь своих друзей, декабристов:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Забунтовал Гоголь, написал первую часть "Мертвых душ" и смирился — сжег вторую, благословил крепостное право. Забунтовал Достоевский, пошел на каторгу — и вернулся проповедником смирения. Забунтовал Л. Толстой, начал с анархической синицы, собиравшейся море захватить, и смирился — кончил непротивлением злу, проклятием русской революции.

И вот один-единственный человек в русской литературе, до конца не смирившийся, — Лермонтов".

В длинной этой цитате на примерах хорошо показано, а в итоге подмечено, что бунт + смирение = идеологичность. Бунт и смирение — крайности, ограничивающие спектр идеологий, два полюса, очерчивающие ось идеологичности, вокруг которой вертится актуальность "приватизированных" классиков.

Но тут нельзя не заметить противоречия. Бунт со смирением во всех приведенных примерах — социальный, вполне "истматовский". А у Лермонтова — метафизический. Потому стоит рассмотреть всю цитату, до конца:

"И вот один-единственный человек в русской литературе, до конца не смирившийся, — Лермонтов.

Потому ли, что не успел смириться? — Едва ли.

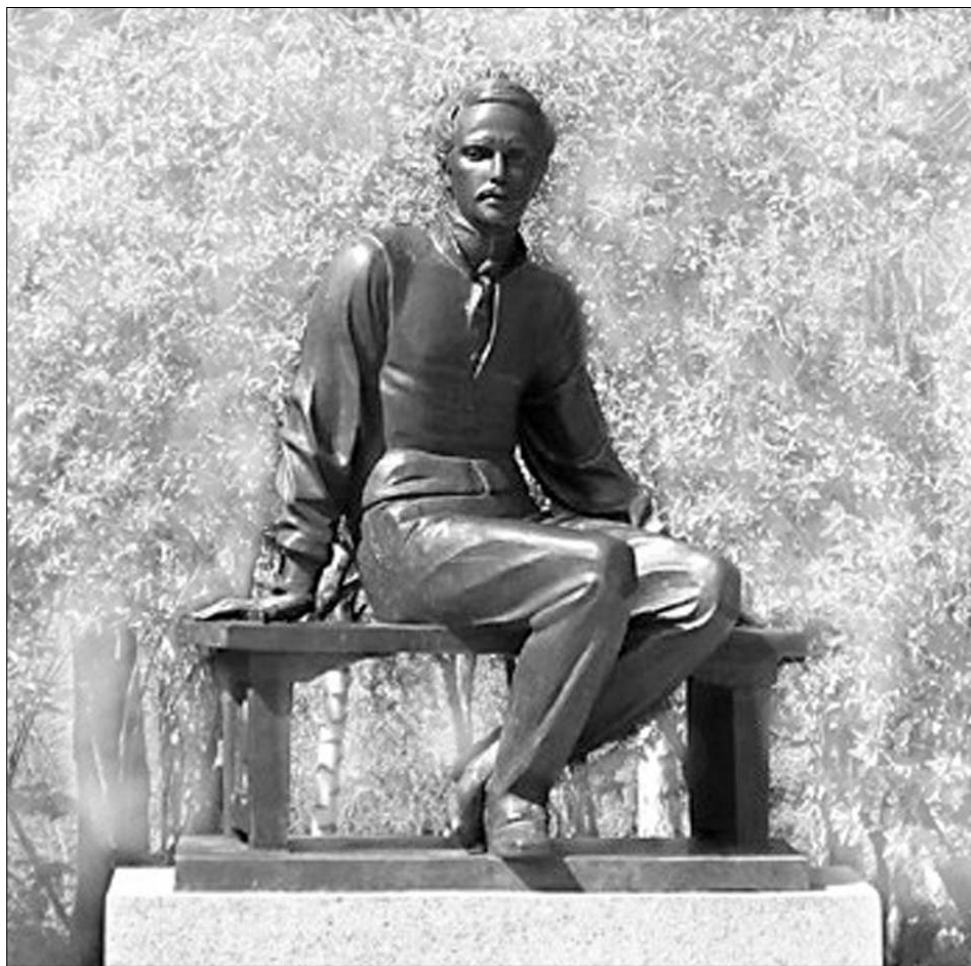
Источник лермонтовского бунта — не эмпирический, а метафизический. Если бы продолжить этот бунт в бесконечность, он, может быть, привел бы к иному, более глубокому, истинному смирению, но, во всяком случае, не к тому, которого требовал Достоевский и которое смешивает свободу сынов Божьих с человеческим рабством".

Здесь вроде бы еще одно противоречие. Едва сказав о сомнительности тезиса, что Лермонтов не успел смириться просто по молодости, Дмитрий Сергеевич тут же о возможности смирения и рассуждает — "если бы", "может быть". Впрочем, противоречия смягчены тем, что как раз между двумя утверждениями дано разграничение: в приведенных примерах с другими классиками бунт-смирение — эмпирические, и кроткое отрицание "едва ли" относится именно к этому варианту бунта и смирения. Лермонтовский же бунт — метафизический. И, соответственно, смирение ("истинное") было бы совершенно иное, не социальное (с его "человеческим рабством"). А вот в эмпирическом смысле у Лермонтова вообще никакого бунта — холодный, привычный (и оттого скучный) анализ.

Но, кстати, со словом "бунт" Мережковский как раз оплошал — оно не вполне лермонтовское. Правильней было бы назвать это не по-крестьянски "бунтом", а дворянски, офицерски, гвардейски — "мятежом". В 18 лет автор свою мятежность обозначил: "А он, мятежный, просит бури". После размышлений в лета более зрелые осознал, каким порывом наполняется одинокий парус бури: "Мятежный демон, дух изгнания...". И вот именно такой, ушедший таким Михаил Юрьевич Лермонтов всегда будет актуальным — по закону отрицания отрицания. Вечно современными будут разговоры, рассуждения, обсуждения неприкаянности, неактуализованности, особости рано покинувшего нас гения.

Так уж сложилось, что его место в вечности именно такое. Он в цитате Мережковского — пятый. Не пятое колесо, но пятый палец, перпендикулярный четырем остальным. А все вместе они составляют что? Правильно — "руку". Понаплавившись в позапрошлом веке столько и такого, что болит наша "душа" беспоконная.

То есть нет, извините, — "мятежная"! Потому что за привычными "взор — глаз — слеза", "жизнь — грудь — душа — сердце — любовь", "голова — лицо — рука" чуется приближение к непостижимым, волнующим "земля — небо — бог — отец — любовь — слово — душа — человек — друг — люди — жизнь — день — лета"...

Памятник Лермонтову в Тарханах

Владимир СЕРЕБРО

Лиля Беленькая

В одной одесской семье 15 декабря 1931 года случилось очень радостное событие: родилась девочка, которой дали имя Лидия и которую всю ее жизнь родные, друзья и знакомые звали Лилей. В свое время точно такая же история произошла с именем ее мамы. Вот и была Лиля большая и была Лиля маленькая.

Отец маленькой Лили — известный врач, впоследствии профессор Моисей Самойлович Беленький, а мать — психолог, доцент Одесского университета Лидия Яковлевна Ландесман. Когда малышка родилась, семья была большая. В нее входили младший брат Лидии Яковлевны Миша и их родители: отец — доктор Я.У. Ландесман, мать — доктор Т.А. Шапиро. Оба доктора были очень популярны у одеситов первой половины XX века, да и нынешним читателям Константина Паустовского и Аркадия Гайдара эти имена знакомы. Доктор Ландесман состоял в родстве с архитектором Семеном Андреевичем Ландесманом, по проектам которого в Одессе построено немало интересных зданий.

Если попытаться кратко охарактеризовать семью, в которой Лиленька выросла, то можно сказать так: светскость, профессионализм и широта общекультурных интересов и просвещение.

В 1940 году в моем втором классе школы № 3 появилась новенькая. Учительница усадила ее и меня за одну парту. Так моей соседкой оказалась маленькая, ясноглазая и белокожая девочка по имени Лиля. Мне она сразу понравилась. Нет, нет — это вовсе не то слово, ведь я тогда его еще не знал, оно слишком взрослое. Просто мы довольно быстро подружились. Она тогда часто пропускала уроки из-за большой печени, а я, возвращаясь из школы, регулярно приносил ей домашние задания.

Мой путь в школу был не длинный, и пролегал он мимо дома, в котором семья соученицы занимала большую квартиру. Там у нее была своя комната спартанского вида: узкая кровать, старинный письменный столик на тонких гнутых ножках, а над ним — полочка для книг. На стенах — ничего. Я, жилец душной коммуналки, очень любил Лилину квартиру: меня поражали простор, обилие книг, картины, старинная мебель, салфетки в кольцах на обеденном столе, наконец, музейные пистолеты и кинжалы на стене отцовского кабинета. Конечно, трогать оружие детям не разрешали, но когда взрослых рядом не было... Кстати, ее родители мне очень нравились. Они всегда были приветливы. В их отношении ко мне чувствовалось тепло и забота.

Квартира Лили располагалась в бельэтаже трехэтажного дома. Окно детской выходило на улицу. Поэтому, возвращаясь из школы, я нередко пробирался к подруге через открытое окно. Это было совсем не трудно: перед окном налицествовали металлические перила, ограждающие окна полуподвальных квартир. Девичьи игрушки меня интересовали мало, да и было их немного. Почему-то совсем не помню кукол. Другое дело — книги... В моем сердцу доме я узнал о сериях детских дореволюционных книг под названием "Серебряная библиотека" и "Золотая библиотека", а также о книжках наших современников: Чуковского, Маршака, Барто, Гайдара и других. Лиля восторгалась такими разными книгами, как, например, "Маленький лорд Фаунтлерой" и "Тимур и его команда". Дореволюционные детские книги — это наследство матери, а послевоенные — это уже результат ее заботы.

Приближалось лето 1941 года и с ним — наши с Лилей первые совместные каникулы. Ее семья готовилась к переезду на дачу, а я — к поездке к бабушке, которая жила в местечке, расположенном на берегу Днестра. Но планам этим сбыться не удалось, так как началась война с фашистской Германией, а с ней — эвакуация. Моя семья, кроме отца, который остался в Одессе, в народном ополчении, оказалась на Кавказе, а Лилина — в Средней Азии. Перед расставанием на долгие и тяжелые военные годы нам с Лилей даже не удалось проститься. В течение всей войны мы ничего не знали друг о друге. Но я никогда не забывал Лилю и мечтал о нашей с ней послевоенной встрече. Что это было — не знаю. Возможно, первые всходы любви в детско-юношеской душе или даже предчувствие судьбы. Когда же мне, недолго жившему после войны под Москвой, представилась возможность провести несколько дней в родном городе еще до возвращения туда всей семьи, радости моей не было предела.

Итак, летом 1946 года я оказался в Одессе: туда меня привез папин брат. Вся дорога в пассажирском поезде в город детства я только думал о том, где и как буду искать Лилю. Решил, что начну с ее городской квартиры. Благо, ее

дом находился в двух минутах ходьбы от моего довоенного дома, он углом выходил на мою же улицу. Лилин дом был частично разрушен, но, к счастью, не пострадал флигель, расположенный на поперечной улице, а именно там находилась квартира соученицы. Когда я подошел к двери и увидел таблички с фамилиями, мое сердце стучало так громко, что, казалось, звонки ни к чему, меня и без него услышат. Недолго постоял у двери, чуть-чуть успокоившись, нажал кнопку звонка. Дверь открыла Лидия Яковлевна.

Отец Лили встретил меня у двери своего кабинета. По всему видно было, что он куда-то торопится. Он объяснил меня и сказал:

— Я убегаю. Встретимся на даче.

Лидия Яковлевна пояснила:

— Лиля с бабушкой и помощницей по хозяйству живут на даче. Меня и Моисея Самойловича в городе задержали дела, но к вечеру и мы там будем. Дача находится на Французском бульваре, 53, ее номер 26. Остановка трамвая называется "Институт Филатова". Поезжай туда. Лиля будет тебе рада.

При моем появлении Лилиа и ее бабушка были немало удивлены. Лиля меня, конечно, узнала, но особой радости не выказала. Вначале ее лицо, казалось, говорило: "Подумаешь, приехал! Радость большая!" Это была характерная реакция девочки ее возраста на ровесника противоположного пола. Но вскоре ее взгляд потеплел.

Так произошла наша первая послевоенная встреча. Ее особенностью в том, что были мы в возрасте Ромео и Джульетты. Да-да, нам было тогда по 14 лет.

В те дни стояла солнечная и безветренная погода, как емко говорили горожане — пляжная погода. Поэтому девочка из моего детства вскоре потащила меня к морю. Берег был близко, и шли мы к нему в сугубо пляжном виде. Лилина миниатюрная и выразительно очерченная фигурка выглядела очень привлекательно, а ее белая кожа выделялась даже на фоне золотистого прибрежного песка. Оказалось, что плавала она здорово — изящно и далеко. Я же тогда плавать не умел вовсе, что повергло меня в глубокое смущение.

После пляжа нас вкусно накормили, и мы, немного отдохнув на даче, побрели на волейбольную площадку. Там уже шла игра. Лилю в игру легко приняли. Она в ней неплохо себя чувствовала. Я же был посрамлен еще раз: до того никогда не держал мяча в руках.

Потом мы довольно долго гуляли по бульвару, а когда совсем стемнело, возвратились на дачу. Прощаясь, условились следующий день провести в городе. Там мы, не замечая бега времени, гуляли по хорошо знакомым центральным улицам. А когда утомились, пошли в маленький кинотеатр. Я был настолько поглощен своей партнершей, что названия фильма не помню. Память сохранила только, что мы купили леденцы в магазине, расположенном рядом с кинотеатром. После кино я проводил Лилю на дачу. Подобным образом мы провели и третий день. Прощаясь, мы пожали друг другу руки. В нашем скромном прощании не было ничего удивительного, ведь мы были детьми XX века, точнее — первой его половины. И наш первый поцелуй — это событие более позднего времени...

Вскоре я возвратился в свое Подмосковье. А через год моя семья переехала в Одессу и поселилась в нашей прежней комнате. С тех пор, с осени 1947 года, мы с Лилей больше никогда не расставались... А наши встречи по частоте перешли к довоенному режиму, но вот заходить к ней в гости через окно я перестал. С возрастом изменились наши интересы и вкусы, появились знания и родилось — будем скромны и скажем: некоторое понимание правильного поведения.

Необычайно богатый внутренний мир Лили Беленькой проявился очень рано, еще в школьные годы. Ее манерой общения с ровесниками можно было восхищаться. Для них ее дом был открыт постоянно. Вот почему у нее никогда не было недостатка в подругах, друзьях и даже поклонниках. Молодые гости горячо спорили там о литературных течениях Серебряного века и первых лет Советской власти, обменивались книгами и впечатлениями о прочитанном. До хрипоты обсуждали новинки кино, театра и музыки. Нечто подобное продолжалось и в студенческие годы. Одно вытекает из другого.

Ее музыкальные вкусы и пристрастия проявились тоже очень рано. Основной их всегда была классическая музыка, а в ней она отдавала предпочтение пианизму. Но она не была равнодушна и к легкой музыке, точнее — к некоторым ее направлениям, наименее удаленным от классики. Примером может служить цикл песен "Дежа вю" И. Крутого в исполнении

Д. Хворостовского. Незадолго до смерти Лили прослушала несколько раз этот цикл. Рождение бардовской музыки она встретила и с интересом, и с какой-то заметной душевной сопричастностью. Объяснить это можно меньшим или большим философским наполнением текстов бардовских песен. Она длительное время пребывала под сильным впечатлением от концерта Окуджавы, который прослушала в Зеленой гостиной Одесского дома ученых.

При всех несомненных способностях дочери родители ее совсем не баловали, они воспитали в ней чрезвычайную скромность. Даже платье на выпускной школьный бал ей перешли из маминого. Она никогда не носила маминих украшений, конечно, не пользовалась никакой косметикой, иначе — неприлично, не принято.

От родителей Лиля унаследовала очень многое, в том числе — к русскому языку и литературе. Маме казалось, что для развития литературного вкуса дочери-подростка недостаточно немаленькой домашней библиотеки, активно пополняемой книжными новинками и регулярно — несколькими литературными журналами. Поэтому она организовала у себя дома юношеский литературный кружок, пригласив в качестве его руководителя свою любимую преподавательницу по университету доцента-филолога З.А. Бабайцеву. Лилины школьные друзья-старшеклассники посещали кружок охотно, с интересом.

Сама же мама всю свою жизнь увлекала дочь глубиной собственных знаний и понимания или, скорее, ощущения феномена поэзии. Она относилась к тем, кто считает поэзию прямым выражением духа, кто видит в поэзии инструмент людского единения.

Нельзя не вспомнить, с каким вниманием Лиля еще в школьные годы слушала рассказы Моисея Самойловича о встречах и разговорах с писателями и актерами, среди которых были известные имена: Ахматова, Бабель, Всеволод Иванов, Бруштейн, Яблочкина, Пашенная, Рыжов, Берсенев и многие другие; и воспоминания о рукописных литературных журналах, которые он в юные годы делал со своими братьями. При этом приятно было следить за поразительным умением дочери слушать и впитывать. Качества эти она пронесла через всю жизнь.

Серьезные знания литературы, тонкость вкуса и образность речи Лили отмечали не только родные и знакомые, но и школьные учителя. Ее школьные сочинения обращали на себя внимание. И всем казалось, что путь девочки к высшему образованию лежит через филфак университета. И она об этом мечтала. Но беда в том, что ее юношеские годы пришлось на времена, когда в стране путь евреям к получению гуманитарного образования, особенно в университетах, был почти наглухо закрыт. Поэтому Лиля поступила на химфак университета, который окончила в 1955 году.

Страстную любовь к литературе, да и культуре во всем ее многообразии Лиля пронесла через всю жизнь. Этому способствовали как традиции родительского открытого дома, так и обаяние ее натуры. Здесь речь идет о ее личных встречах, разговорах и даже дружбе с известными и интересными людьми. Ограничусь несколькими примерами.

Когда Лиле было 11 лет, она познакомилась с Анной Андреевной Ахматовой. Произошло это в Ташкенте, куда их забросило военное лихолетье. После войны она стала счастливой обладательницей "Поэмы без героя". Это были машинописные страницы с авторской правкой. Они, пожелтевшие от времени, оказались предметом особой радости и бережного хранения. Там же и в те времена она брала уроки английского языка у Надежды Яковлевны Мандельштам. И таких уроков было немало.

В молодом возрасте Лиля посещала в Переделкино семью писателя, драматурга Всеволода Иванова, где нередко встречала именитых переделкинских соседей и гостей: Пастернака, Нейгауза, Андроникова и других. Там же художник Михаил Иванов-Бабель подарил ей свой этюд маслом с изображением местной церкви. Вот что писала Тамара Владимировна Иванова, супруга писателя, большой Лиле в одном из писем 1965 года:

"Привет от меня Лиле ("маленькой", — В. С.). И Вам, и ей кланяются Кома (ныне акад. Вячеслав Иванов, — В. С.) и Миша".

Упомянув церковь, нельзя не рассказать, что Лиля была знакома с Патриархом всея Руси Алексием I. Было это еще в ее студенческие годы. В то время Патриарх обращался за медицинской помощью к ее отцу. Общалась она с Его Святейшеством в патриаршей летней одесской резиденции и в его московской квартире. Рассказывая об этом, Лиля всегда подчеркивала очень деликатную и даже сердечную

манеру ведения Патриархом разговора. Факт общения еврейской девушки с главой Православной церкви сам по себе примечателен. И он много говорит об обоих собеседниках. Воспоминания об этих встречах доставляли Лиле большое удовольствие.

В 1956 году вышла из печати автобиографическая повесть А.Я. Бруштейн "Дорога уходит в даль...". На первом издании повести, подаренном одесским друзьям, ее автор написала: "Дорогим Лидии Яковлевне, Моисею Самойловичу и великолепному Кочерыжину!". "Великолепным Кочерыжиным" она называла давно полюбившуюся ей Лилю. Замечу, надпись была сделана в тот год, когда ее любимица стала мамой.

В одном из писем 1968 года ироничная Александра Яковлевна писала Лидии Яковлевне:

"...ничего не знаю о милой моему сердцу Кочерыжковой, о которой всегда с умилением вспоминаю, как она писала в письме к своему двоюродному брату: "У нас большая радость — Александра Яковлевна (это — я!) ослепла и скоро приедет в Одессу лечиться".

Однажды в начале 90-х годов прошлого века в нашей квартире раздался телефонный звонок. Звонил сын Константина Паустовского Вадим. Целью его появления в Одессе был сбор материалов об одесском периоде творчества отца для музея писателя и в связи с подготовкой к печати очередного издания книги "Повесть о жизни". Разговор закончился просьбой о встрече с ней, внучкой доктора Ландесмана, в санатории которого жил Константин Паустовский. Приглашение Вадим получил. В течение целого вечера мы вели разговоры об обстановке в Одессе в то далекое время (1920 — 1922) и, конечно же, о санатории. Лиля показала ему все, что у нас было: рекламный буклет санатория и столовые ложки, на которых выгравирована фамилия владельца санатория. Хотя буклет был у нас в единственном экземпляре, Лиля его подарила гостю. Он был очень доволен. Сказал, что выставит в музее Паустовского.

Упомянутая выше книга К. Паустовского вышла из печати в 1993 году. В послесловии к ней Вадим выразил благодарность нескольким одесситам за предоставленные ему материалы. Среди них — и Л.М. Беленькой.

Что же касается развития Лиленькиных художественных вкусов и хороших знаний искусств, то это заслуга ее папы. Во-первых, он был хороший рисовальщик, хотя и самоучка. Любил рисовать карандашом и пером. И рисовал много. Его рисунки семья бережно сохраняет. Некоторые из них даже опубликованы. Во-вторых, он понимал и любил живопись. В его кабинете и других комнатах висело несколько картин известных и неизвестных, но, несомненно, мастеров. Кроме того, он был неравнодушен к прикладному искусству. В частности, доктором была собрана неплохая коллекция курительных трубок.

Лиля всю жизнь следила за выходом в свет художественных альбомов и книг по искусству. А посещение музеев, галерей и выставок было для нее всегда настоящим праздником.

Сильно забегая вперед, позволю себе рассказать историю, которая характеризует Лилю, как человека, знания которого в этой сфере приближались к профессиональному уровню. Были мы с ней как-то в гостях у одного из моих коллег по литейному НИИ. Там она обратила внимание на фарфоровую шкатулку, лежащую на подзеркальнике. На ее вопрос хозяйка дома сказала, что предмет этот перешел к ней по наследству от мамы, что ее мама относилась к шкатулке как к вещи ординарной и потому хранила в ней недорогую бижутерию. Получив разрешение, Лиля шкатулку сначала долго рассматривала и потом сказала, что предмет этот далеко не простой: датируется серединой XIX века и изготовлен на хорошо известном фарфоровом предприятии. Кстати, фарфор — это тема ее особой страсти. На следующий день она подтвердила свое суждение ссылкой на один из справочников. Здесь уместно подчеркнуть, что атрибутизация предмета старины — достижение даже для профессионального искусствоведа!

В 1955 году Лиленька вышла замуж, и я, как этого события непосредственный участник, несу полную ответственность за все, что произошло в ее дальнейшей жизни. В дополнение к сказанному выше о скромности ее воспитания отмечу, что свадьбы у нас не было. В том же 1955 году мы оба начали работать: Лиля — на кафедре химии строительного института, я — на заводе. Все как положено: в следующем году у нас родился сын. Тогда-то забота о нем, да и все домашние дела легли в основном на Лилины плечи. Я же первые годы подолгу торчал в своем литейном цеху, а все вечера, вы-

ходные дни и даже отпуска расходовал на научные исследования.

Особенно ей трудно было, когда сынишка болел. Мы друг друга уговаривали: подрастет — будет легче.

А когда он подросток, надо было думать: как укрепить здоровье сына? И Лиля начала подбирать ему спортивные занятия. Сначала — волейбол. Неудачно. Потом — парусный спорт. Тоже неудачно. Прижился теннис. Но это случилось уже без родительского вмешательства и значительно позже, когда сын стал студентом университета.

Много внимания уделяла Лиля и гуманитарному развитию сына. Рассказывала ему о новинках культуры, обо всем, что в те времена волновало людей образованных и интеллигентных. Ее вечерами, перед сном, разговоры с ним — это обсуждение прочитанного, увиденного и услышанного. Нередко они выливались в забавные дискуссии. Мое же участие в расширении образования сына ограничивалось физикой и математикой. Подбирал ему и помогал в решении сложных задач, привозил из командировок новинки учебной литературы.

Усилия родителей принесли замечательные плоды: сын окончил с золотой медалью среднюю школу и одновременно две заочные очень престижные физико-математические школы — Московского физико-технического института и Харьковского университета. Но поступил в Одесский университет.

Шли годы. Мы выросли, но родители старели. Подкарались к ним болезни. Коварные и тяжелые. Затем пришла череда трагедий: сначала умерли мои, затем ее родители. И в эти тяжелые времена особенно проявились Лилины замечательные человеческие качества.

В марте 1972 года тяжело заболела моя мама. Вечером перед операцией у ее постели в больничной палате были ее муж, дочь, сын, т. е. я, и Лиленька, ее невестка. Мама в основном молчит, видимо, все ее мысли связаны с завтрашним днем. Молчит и папа. Он обычно немногословен, но на этот раз чувствуется, что он растерян и подавлен. Разговариваем только мы, дети. Пытаемся если не снять, то, по крайней мере, снизить уровень предоперационного волнения. Удастся это плохо. Вдруг заговаривает мама:

— Дорогие, у меня к вам просьба. Прошу только, чтобы она никого не обидела. Просьба моя такая: пусть в первую послеоперационную ночь около меня подежурит Лиленька.

Нервы у всех были напряжены до предела. Каждый думал об одном — как и чем помочь маме. Поэтому все поторопились заверить ее, что просьба будет безусловно выполнена. Так оно и было. На следующее утро после операции Лиля встретила меня в больничном коридоре. Ее заплаканные глаза все сказали...

В предельно опасной, экстремальной ситуации моя мама доверила свою жизнь не ближайшим родственникам — мужу, дочери, сыну, а невестке. Видимо, такое возможно при каких-то ее особых душевных качествах. Да, большой запас нежности и сострадания Лиля пронесла через всю жизнь.

Вся Лилина профессиональная жизнь была связана с кафедрой химии строительного института. Там она стала серьезным специалистом по очистке воды и строительным материалам. Подружилась, и довольно близко, вплоть до душевной общности, с некоторыми сотрудниками — как она их называла, кафедрами. А за свои дружелюбие и профессионализм с лихвой была награждена студенческой любовью. Благодарственные письма ее бывших студентов в течение многих лет — прямое тому доказательство. Один из них — министр водного хозяйства какой-то африканской франкоговорящей страны.

Когда моя жена была уже на пенсии, одна из бывших коллег по кафедре химии спросила ее:

— Вы столько лет замужем, неужели в вашей семье не было скандалов или ссор?

— Никогда ни ссор, ни тем более — скандалов.

— Как такое может быть?

— Мы с мужем всегда были перегружены работой и заботами о родных и близких. Нам было не до "выяснения отношений", да и причин для конфликтов не было, — ответила Лиля.

Я бы на такой вопрос ответил иначе. В наших чувствах друг к другу важная роль отводилась безусловному взаимному признанию внутрисемейного лидерства. Иными словами, я ее считал лидером семьи, а она — меня. По мне, подобные отношения между людьми — отличный фундамент и для обычной человеческой дружбы.

В 1989 году наш сын со своей молодой семьей отправился в эмиграцию. Это решение было принято неожиданно и без нашего участия. И Лиленька перенесла его тяжело, можно даже сказать — болезненно. Наступило время редких телефонных разговоров сначала между Одессой и Римом, а позднее — Одессой и Нью-Йорком. А в промежутках — постоянные волнения. В каких условиях они живут? Что с работой? Как здоровье внуков? Как сложились их отношения с местной детворой? Вопросы были много — отпадали одни, возникали другие... Волнения не прекращались со вре-

менем, скорее — усиливались. И это отразилось, несомненно, на ее здоровье.

В 1991 году у нее случился инсульт. К счастью, не в самой тяжелой форме. Ее родителей уже не было в живых, но с некоторыми врачами — бывшими коллегами ее отца — и мы были знакомы. Они-то и оказали Лиле квалифицированную медицинскую помощь. Особую роль в этом сыграл отличный невропатолог и наш добрый знакомый Дима Вайсфельд. Лечение было трудным, а выздоровление — долгим: оно растянулось почти на три года.

Болезнь Лили, уход из жизни родителей, отъезд в эмиграцию многих друзей и, конечно же, сына с семьей породили в ней и во мне удручающее чувство одиночества. Результатом этого стало наше решение о воссоединении с семьей сына.

В трудное, бесконечно суетливое по форме и алогичное по существу время Лиленька заняла жесткую позицию: с нами должно переехать все, что является интеллектуально-нравственным содержанием и отражением семьи. Не случайно на вопрос таможенника при отправке багажа: "Что ценное вы перевозите?" — она ответила: "Книги и семейные бумаги". Таможенник с удивлением и даже с брезгливостью рассматривал какие-то пожелтевшие от времени рукописные страницы и целые тетради, письма в надорванных конвертах, написанные разными почерками, дипломы об окончании Женевского и Дерптского университетов, папки и альбомы фотографий, карандашные и чернильные рисунки, оттиски научных трудов членов семейства.

В 1994 году мы оказались в Нью-Йорке. Там Лиля старалась обустроить наше жилье так, чтобы хотя бы некоторые стены комнат напоминали одесскую квартиру. И ей это удалось! Она всегда к своему дому относилась, как к храму...

Начало нашей жизни в эмиграции было относительно активным. Оно включало знакомство с городскими достопримечательностями, а их, слава богу, в Нью-Йорке немало, экскурсии в близлежащие города — Бостон, Вашингтон и Филадельфию, а также создание круга общения из людей, близких по миропониманию.

Только первое десятилетие эмигрантской жизни Лиленька, как говорится, "была на ногах", хотя и с целым букетом серьезных заболеваний. Второе десятилетие принесло ей новые болезни, в том числе и наследственную, от которой нередко умирали родственники по материнской линии. Тогда-то все другое, кроме Лиленькиного здоровья, потеряло для нас всякий смысл и стало нам совсем ненужным и... невозможным, например, связанное с поездками.

Со временем ей становилось все хуже и хуже. Она не только перестала двигаться, но и усилились боли в различных частях тела. К тому же из-за глаукомы пропало зрение левого глаза. Но она запойно продолжала читать, норма была — семь русскоязычных ежедневных газет Нью-Йорка. Наткнувшись в них на упоминание о новых книгах, прорвала их заказывать. Получив новинки, как всегда, в течение всей жизни, на титульных листах тщательно выводила: "Л. Б.". И прочитывала их одним глазом! И все это — в полулежачем положении... Ведь она была задрядла книжницей.

Последние 5 — 6 лет я никогда не оставлял ее одну. Всегда был при ней. Примерно год до смерти Лиленька вообще была прикована к постели. Так к ее физическим страданиям добавились и нравственные. Но, тем не менее, она никогда не говорила о смерти.

Когда она была в бессознательном состоянии, я подолгу сидел у ее кровати, прислушивался к ее дыханию, что-то говорил... Она не слышала меня, но, мне казалось, чувствовала мои руки. А я понимал, что она есть.

Последний раз в госпиталь она поступила первого октября 2013 года. Второго числа ее подключили к аппарату искусственного дыхания, а третьего октября в 2 часа 10 минут дня ее сердце остановилось.

Примерно через два часа нас, ее близких, впустили в больничную палату. Ее светлое, жемчужное лицо на фоне палатной белизны как будто покрыто серой пылью. Я не помню, как и когда я поцеловал ее впервые, это было давно, но хорошо помню и никогда не забуду, как я это сделал в последний раз. Это было там и тогда. Мои губы, коснувшись ее лба, почувствовали остатки уходящей жизненной теплоты...

Похоронена Лиленька на большом кладбище, расположенном в живописном холмистом месте, поросшем могучими дубами. Под сенью одного из них на склоне холма она нашла свое упокоение.

Кто она для меня? Не скрою: смысл жизни. Она сделала мою жизнь счастливой. Вот почему не только в памяти, но и в душе, в каждой клеточке моего тела жить она будет вечно. Что нас объединяло? Да всё — любовь, дружба, преданность, обостренное чувство долга, любознательность, страсть к познанию и, наверное, еще что-то, что делает семейную жизнь счастливой.

Ее уход — это закрытие тяжелой дубовой двери нашего одесского открытого дома. Закрытие со скрежетом. И — навсегда...

Памяти Аркадия Креймера

Всемирный клуб одесситов с глубоким прискорбием сообщает, что 27 ноября 2014-го, на 69-м году жизни, от нас ушел заместитель директора ВКО, секретарь Президентского совета клуба, Почетный одессит Аркадий Евсеевич Креймер.

А.Е. Креймер родился 30 августа 1946 года в Одессе. Окончил Одесский инженерно-строительный институт, работал много лет инженером, учителем, воспитателем. Более десяти лет был главным инженером объединения "Рыбагросервис".

С 2006 года — заместителем директора Всемирного клуба одесситов.

Аркадий Евсеевич был человеком невероятной доброты. Он был абсолютно бескорытен. Присущая ему общественная активность нашла свое применение именно в клубе одесситов; здесь его человеческие и душевные способности достигли полного расцвета.

Он был автором множества идей, связанных с сохранением культурных традиций Одессы, активнейшим образом участвовал в их реализации. При его непосредственном участии увидели свет такие электронные проекты клуба как "Одесса в памятниках, мемориальных досках и зданиях", "Они оставили след в истории Одессы"; активно участвовал в создании в Одессе памятника Исааку Бабелю.

Многие юные одесситы навсегда запомнят лекции "Одесса — мой город родной", которые в последние годы каждую неделю им читал Аркадий Евсеевич.

Ни для кого в Одессе и везде, где живут одесситы, не было секретом, что Аркадий Креймер был душой клуба. Его радушие и гостеприимство, умение находить дружеский контакт с каждым во многом и создавали ту атмосферу уюта и обаяния, которой на протяжении вот уже более 20 лет славится Всемирный клуб одесситов.

Мы знали, что Аркадий Евсеевич не очень здоров, и иногда пытались предостеречь его от излишних нагрузок. Он на это только улыбался и, как все настоящие одесситы, мягко просил "не морочить ему голову".

Он бы без нас, как нам кажется, все-таки как-то смог.

Нам же без него будет очень трудно.

Будем помнить...

Выражаем искренние соболезнования семье Аркадия Евсеевича.

Президентский совет ВКО.

Скончался Георгий Голубенко

С глубоким прискорбием сообщаем, что в ночь на 1 декабря 2014 г., на 68-м году жизни, скончался писатель, драматург, сценарист, Заслуженный деятель искусств Украины Георгий Андреевич Голубенко.

Когда речь идет о таком известном в Одессе, любимом ею человеке, сухие слова протокола не отражают те беду и печаль, которые постигли наш город.

От нас неожиданно ушел, нас безвременно покинул любимый не только друзьями, но и всей Одессой просто Гарик. Это именно он на протяжении практически всей жизни пел гимн своему любимому городу, хранил и продолжал его великие культурные традиции, развивал и приумножал его немеркнущую литературную славу.

Его претерпевшая несколько изданий знаменитая книга "Рыжий город" вслед за "Одесскими рассказами" Исаака Бабеля уже давно вошла в золотой фонд лучших произведений об Одессе.

Его выдающийся комедийный талант проявился еще во времена, когда он был студентом Одесской консерватории; на ее знаменитые капутники ломился весь город. А приход Гарика Голубенко в одесскую сборную команду КВН в начале 70-х и особенно его авторское участие в выступлениях первой команды "одесских джентльменов" в середине 80-х во многом и обеспечили те блестящие победы одесситов, которые уже вошли в историю.

Это именно в пятой комнате Одесского дворца студентов, где Гарик работал художественным руководителем, и родилась осенью 1972 года идея одесской Юморины, окончательно закрепившей за Одессой звание столицы юмора.

Это именно он был инициатором написания пьесы об Одессе "Старые дома", которая с музыкой Оскара Фельцмана и стихами Роберта Рождественского шла в десятках музыкальных театров страны, за рубежом и более десяти лет не сходила со сцены в Одессе.

Им вместе с соавторами и самостоятельно было написано до десятка прекрасных комедий, таких, в частности, как "Король скрипачей", "Королева Молдаванки", "Таланты и полководцы", "Кабае Бени Крика" и многие другие.

Это именно он вместе с режиссером Юлием Гриншпунном создал знаменитый в Одессе и везде, где сегодня живут одесситы, шоу-театр "Ришелье".

Это именно по его сценарию был снят полюбившийся зрителям по-настоящему одесский фильм "Улыбка Бога".

Знаменитые одесские театральные капутники 70 — 80-х годов, которые славились не только в Одессе, тоже связаны, прежде всего, с именем Голубенко.

Успешно работал Георгий Андреевич и в последние годы. Так, буквально за месяц до его ухода в Доме клоунов состоялась премьера его только что написанной пьесы "Одесский подкидыш", а страницы журнала "Фонтан" украсили два его новых блестящих одесских рассказа.

Георгий Андреевич много лет был членом правления Центра реабилитации детей-инвалидов ("Дом с ангелом"), был членом Президентского совета Всемирного клуба одесситов.

Георгий Андреевич Голубенко, дорогой наш Гарик навсегда останется в нашей памяти.

Одесса его никогда не забудет.

Искренние соболезнования жене Танюше, сыну Денису, его близким и друзьям.

Президентский совет ВКО.

Художнице Тане Гончаренко

Но стало меньше в мире красоты

с твоим уходом. Красота хрупка.

Зачем ушла так одиноко ты?

Куда же ушла тебя тоска?

Знакомых много — не было друзей.

Любимых не было — лишь славы забытье.

Ушла ты в мир из линий и теней...

Забрала одиночество свое.

А в натюрмортах нет ни тени слов —

изысканность лишь там цветком цвела.

Как много принесли тебе цветов —

а на холстах тонули в зеркалах!

Промозглый день нас до костей пробрал:

осенняя шершаво-злая тишь...

А где-то там в пространстве ты летишь...

И нет ответов в сумерках зеркал.

Анна Божко-Стремнинская.

ходные дни и даже отпуска расходовал на научные исследования.

Особенно ей трудно было, когда сынишка болел. Мы друг друга уговаривали: подрастет — будет легче.

А когда он подросток, надо было думать: как укрепить здоровье сына? И Лиля начала подбирать ему спортивные занятия. Сначала — волейбол. Неудачно. Потом — парусный спорт. Тоже неудачно. Прижился теннис. Но это случилось уже без родительского вмешательства и значительно позже, когда сын стал студентом университета.

Много внимания уделяла Лиля и гуманитарному развитию сына. Рассказывала ему о новинках культуры, обо всем, что в те времена волновало людей образованных и интеллигентных. Ее вечерами, перед сном, разговоры с ним — это обсуждение прочитанного, увиденного и услышанного. Нередко они выливались в забавные дискуссии. Мое же участие в расширении образования сына ограничивалось физикой и математикой. Подбирал ему и помогал в решении сложных задач, привозил из командировок новинки учебной литературы.

Усилия родителей принесли замечательные плоды: сын окончил с золотой медалью среднюю школу и одновременно две заочные очень престижные физико-математические школы — Московского физико-технического института и Харьковского университета. Но поступил в Одесский университет.

Шли годы. Мы выросли, но родители старели. Подкарались к ним болезни. Коварные и тяжелые. Затем пришла череда трагедий: сначала умерли мои, затем ее родители. И в эти тяжелые времена особенно проявились Лилины замечательные человеческие качества.

В марте 1972 года тяжело заболела моя мама. Вечером перед операцией у ее постели в больничной палате были ее муж, дочь, сын, т. е. я, и Лиленька, ее невестка. Мама в основном молчит, видимо, все ее мысли связаны с завтрашним днем. Молчит и папа. Он обычно немногословен, но на этот раз чувствуется, что он растерян и подавлен. Разговариваем только мы, дети. Пытаемся если не снять, то, по крайней мере, снизить уровень предоперационного волнения. Удастся это плохо. Вдруг заговаривает мама:

— Дорогие, у меня к вам просьба. Прошу только, чтобы она никого не обидела. Просьба моя такая: пусть в первую послеоперационную ночь около меня подежурит Лиленька.

Нервы у всех были напряжены до предела. Каждый думал об одном — как и чем помочь маме. Поэтому все поторопились заверить ее, что просьба будет безусловно выполнена. Так оно и было. На следующее утро после операции Лиля встретила меня в больничном коридоре. Ее заплаканные глаза все сказали...

В предельно опасной, экстремальной ситуации моя мама доверила свою жизнь не ближайшим родственникам — мужу, дочери, сыну, а невестке. Видимо, такое возможно при каких-то ее особых душевных качествах. Да, большой запас нежности и сострадания Лиля пронесла через всю жизнь.

Вся Лилина профессиональная жизнь была связана с кафедрой химии строительного института. Там она стала серьезным специалистом по очистке воды и строительным материалам. Подружилась, и довольно близко, вплоть до душевной общности, с некоторыми сотрудниками — как она их называла, кафедрами. А за свои дружелюбие и профессионализм с лихвой была награждена студенческой любовью. Благодарственные письма ее бывших студентов в течение многих лет — прямое тому доказательство. Один из них — министр водного хозяйства какой-то африканской франкоговорящей страны.

Когда моя жена была уже на пенсии, одна из бывших коллег по кафедре химии спросила ее:

— Вы столько лет замужем, неужели в вашей семье не было скандалов или ссор?

— Никогда ни ссор, ни тем более — скандалов.

— Как такое может быть?

— Мы с мужем всегда были перегружены работой и заботами о родных и близких. Нам было не до "выяснения отношений", да и причин для конфликтов не было, — ответила Лиля.

Я бы на такой вопрос ответил иначе. В наших чувствах друг к другу важная роль отводилась безусловному взаимному признанию внутрисемейного лидерства. Иными словами, я ее считал лидером семьи, а она — меня. По мне, подобные отношения между людьми — отличный фундамент и для обычной человеческой дружбы.

В 1989 году наш сын со своей молодой семьей отправился в эмиграцию. Это решение было принято неожиданно и без нашего участия. И Лиленька перенесла его тяжело, можно даже сказать — болезненно. Наступило время редких телефонных разговоров сначала между Одессой и Римом, а позднее — Одессой и Нью-Йорком. А в промежутках — постоянные волнения. В каких условиях они живут? Что с работой? Как здоровье внуков? Как сложились их отношения с местной детворой? Вопросы были много — отпадали одни, возникали другие... Волнения не прекращались со вре-

менем, скорее — усиливались. И это отразилось, несомненно, на ее здоровье.

В 1991 году у нее случился инсульт. К счастью, не в самой тяжелой форме. Ее родителей уже не было в живых, но с некоторыми врачами — бывшими коллегами ее отца — и мы были знакомы. Они-то и оказали Лиле квалифицированную медицинскую помощь. Особую роль в этом сыграл отличный невропатолог и наш добрый знакомый Дима Вайсфельд. Лечение было трудным, а выздоровление — долгим: оно растянулось почти на три года.

Болезнь Лили, уход из жизни родителей, отъезд в эмиграцию многих друзей и, конечно же, сына с семьей породили в ней и во мне удручающее чувство одиночества. Результатом этого стало наше решение о воссоединении с семьей сына.

В трудное, бесконечно суетливое по форме и алогичное по существу время Лиленька заняла жесткую позицию: с нами должно переехать все, что является интеллектуально-нравственным содержанием и отражением семьи. Не случайно на вопрос таможенника при отправке багажа: "Что ценное вы перевозите?" — она ответила: "Книги и семейные бумаги". Таможенник с удивлением и даже с брезгливостью рассматривал какие-то пожелтевшие от времени рукописные страницы и целые тетради, письма в надорванных конвертах, написанные разными почерками, дипломы об окончании Женевского и Дерптского университетов, пачки и альбомы фотографий, карандашные и чернильные рисунки, оттиски научных трудов членов семейства.

В 1994 году мы оказались в Нью-Йорке. Там Лиля старалась обустроить наше жилье так, чтобы хотя бы некоторые стены комнат напоминали одесскую квартиру. И ей это удалось! Она всегда к своему дому относилась, как к храму...

Начало нашей жизни в эмиграции было относительно активным. Оно включало знакомство с городскими достопримечательностями, а их, слава богу, в Нью-Йорке немало, экскурсии в близлежащие города — Бостон, Вашингтон и Филадельфию, а также создание круга общения из людей, близких по миропониманию.

Только первое десятилетие эмигрантской жизни Лиленька, как говорится, "была на ногах", хотя и с целым букетом серьезных заболеваний. Второе десятилетие принесло ей новые болезни, в том числе и наследственную, от которой нередко умирали родственники по материнской линии. Тогда-то все другое, кроме Лиленькиного здоровья, потеряло для нас всякий смысл и стало нам совсем ненужным и... невозможным, например, связанное с поездками.

Со временем ей становилось все хуже и хуже. Она не только перестала двигаться, но и усилились боли в различных частях тела. К тому же из-за глаукомы пропало зрение левого глаза. Но она запойно продолжала читать, норма была — семь русскоязычных ежедневных газет Нью-Йорка. Наткнувшись в них на упоминание о новых книгах, прорвала их заказывать. Получив новинки, как всегда, в течение всей жизни, на титульных листах тщательно выводила: "Л. Б.". И прочитывала их одним глазом! И все это — в полужелезном положении... Ведь она была задралась книжницей.

Последние 5 — 6 лет я никогда не оставлял ее одну. Всегда был при ней. Примерно год до смерти Лиленька вообще была прикована к постели. Так к ее физическим страданиям добавились и нравственные. Но, тем не менее, она никогда не говорила о смерти.

Когда она была в бессознательном состоянии, я подолгу сидел у ее кровати, прислушивался к ее дыханию, что-то говорил... Она не слышала меня, но, мне казалось, чувствовала мои руки. А я понимал, что она есть.

Последний раз в госпиталь она поступила первого октября 2013 года. Второго числа ее подключили к аппарату искусственного дыхания, а третьего октября в 2 часа 10 минут дня ее сердце остановилось.

Примерно через два часа нас, ее близких, впустили в больничную палату. Ее светлое, жемчужное лицо на фоне палатной белизны как будто покрыто серой пылью. Я не помню, как и когда я поцеловал ее впервые, это было давно, но хорошо помню и никогда не забуду, как я это сделал в последний раз. Это было там и тогда. Мои губы, коснувшись ее лба, почувствовали остатки уходящей жизненной теплоты...

Похоронена Лиленька на большом кладбище, расположенном в живописном холмистом месте, поросшем могучими дубами. Под сенью одного из них на склоне холма она нашла свое упокоение.

Кто она для меня? Не скрою: смысл жизни. Она сделала мою жизнь счастливой. Вот почему не только в памяти, но и в душе, в каждой клеточке моего тела жить она будет вечно. Что нас объединяло? Да всё — любовь, дружба, преданность, обостренное чувство долга, любознательность, страсть к познанию и, наверное, еще что-то, что делает семейную жизнь счастливой.

Ее уход — это закрытие тяжелой дубовой двери нашего одесского открытого дома. Закрытие со скрежетом. И — навсегда...

Памяти Аркадия Креймера

Всемирный клуб одесситов с глубоким прискорбием сообщает, что 27 ноября 2014-го, на 69-м году жизни, от нас ушел заместитель директора ВКО, секретарь Президентского совета клуба, Почетный одессит Аркадий Евсеевич Креймер.

А.Е. Креймер родился 30 августа 1946 года в Одессе. Окончил Одесский инженерно-строительный институт, работал много лет инженером, учителем, воспитателем. Более десяти лет был главным инженером объединения "Рыбагросервис".

С 2006 года — заместителем директора Всемирного клуба одесситов.

Аркадий Евсеевич был человеком невероятной доброты. Он был абсолютно бескорытен. Присущая ему общественная активность нашла свое применение именно в клубе одесситов; здесь его человеческие и душевные способности достигли полного расцвета.

Он был автором множества идей, связанных с сохранением культурных традиций Одессы, активнейшим образом участвовал в их реализации. При его непосредственном участии увидели свет такие электронные проекты клуба как "Одесса в памятниках, мемориальных досках и зданиях", "Они оставили след в истории Одессы"; активно участвовал в создании в Одессе памятника Исааку Бабелю.

Многие юные одесситы навсегда запомнят лекции "Одесса — мой город родной", которые в последние годы каждую неделю им читал Аркадий Евсеевич.

Ни для кого в Одессе и везде, где живут одесситы, не было секретом, что Аркадий Креймер был душой клуба. Его радушие и гостеприимство, умение находить дружеский контакт с каждым во многом и создавали ту атмосферу уюта и обаяния, которой на протяжении вот уже более 20 лет славится Всемирный клуб одесситов.

Мы знали, что Аркадий Евсеевич не очень здоров, и иногда пытались предостеречь его от излишних нагрузок. Он на это только улыбался и, как все настоящие одесситы, мягко просил "не морочить ему голову".

Он бы без нас, как нам кажется, все-таки как-то смог.

Нам же без него будет очень трудно.

Будем помнить...

Выражаем искренние соболезнования семье Аркадия Евсеевича.

Президентский совет ВКО.

Скончался Георгий Голубенко

С глубоким прискорбием сообщаем, что в ночь на 1 декабря 2014 г., на 68-м году жизни, скончался писатель, драматург, сценарист, Заслуженный деятель искусств Украины Георгий Андреевич Голубенко.

Когда речь идет о таком известном в Одессе, любимом ею человеке, сухие слова протокола не отражают те беду и печаль, которые постигли наш город.

От нас неожиданно ушел, нас безвременно покинул любимый не только друзьями, но и всей Одессой просто Гарик. Это именно он на протяжении практически всей жизни пел гимн своему любимому городу, хранил и продолжал его великие культурные традиции, развивал и приумножал его немеркнущую литературную славу.

Его претерпевшая несколько изданий знаменитая книга "Рыжий город" вслед за "Одесскими рассказами" Исаака Бабеля уже давно вошла в золотой фонд лучших произведений об Одессе.

Его выдающийся комедийный талант проявился еще во времена, когда он был студентом Одесской консерватории; на ее знаменитые капутники ломился весь город. А приход Гарика Голубенко в одесскую сборную команду КВН в начале 70-х и особенно его авторское участие в выступлениях первой команды "одесских джентльменов" в середине 80-х во многом и обеспечили те блестящие победы одесситов, которые уже вошли в историю.

Это именно в пятой комнате Одесского дворца студентов, где Гарик работал художественным руководителем, и родилась осенью 1972 года идея одесской Юморины, окончательно закрепившей за Одессой звание столицы юмора.

Это именно он был инициатором написания пьесы об Одессе "Старые дома", которая с музыкой Оскара Фельцмана и стихами Роберта Рождественского шла в десятках музыкальных театров страны, за рубежом и более десяти лет не сходила со сцены в Одессе.

Им вместе с соавторами и самостоятельно было написано до десятка прекрасных комедий, таких, в частности, как "Король скрипачей", "Королева Молдаванки", "Таланты и полководцы", "Кабае Бени Крика" и многие другие.

Это именно он вместе с режиссером Юлием Гриншпунном создал знаменитый в Одессе и везде, где сегодня живут одесситы, шоу-театр "Ришелье".

Это именно по его сценарию был снят полюбившийся зрителям по-настоящему одесский фильм "Улыбка Бога".

Знаменитые одесские театральные капутники 70 — 80-х годов, которые славились не только в Одессе, тоже связаны, прежде всего, с именем Голубенко.

Успешно работал Георгий Андреевич и в последние годы. Так, буквально за месяц до его ухода в Доме клоунов состоялась премьера его только что написанной пьесы "Одесский подкидыш", а страницы журнала "Фонтан" украсили два его новых блестящих одесских рассказа.

Георгий Андреевич много лет был членом правления Центра реабилитации детей-инвалидов ("Дом с ангелом"), был членом Президентского совета Всемирного клуба одесситов.

Георгий Андреевич Голубенко, дорогой наш Гарик навсегда останется в нашей памяти.

Одесса его никогда не забудет.

Искренние соболезнования жене Танюше, сыну Денису, его близким и друзьям.

Президентский совет ВКО.

Художнице Тане Гончаренко

Но стало меньше в мире красоты

с твоим уходом. Красота хрупка.

Зачем ушла так одиноко ты?

Куда же уехала тебя тоска?

Знакомых много — не было друзей.

Любимых не было — лишь славы забытье.

Ушла ты в мир из линий и теней...

Забрала одиночество свое.

А в натюрмортах нет ни тени слов —

изысканность лишь там цветком цвела.

Как много принесли тебе цветов —

а на холстах тонули в зеркалах!

Промозглый день нас до костей пробрал:

осенняя шершаво-злая тишь...

А где-то там в пространстве ты летишь...

И нет ответов в сумерках зеркал.

Анна Божко-Стремнская.

Анатолий ЯНИ

Забытая эпиграмма

К 80-ЛЕТИЮ В.В. ДОМРИНА

Было это в начале семидесятых годов прошлого, двадцатого, века. Я любил писать стихи, увлекаясь в основном баснями. Пробовал переводить строки Жана де Лафонтена (1621 — 1695), узнав, что почти все свои знаменитые басни Иван Андреевич Крылов (1769 — 1844) писал по тем же сюжетам, что и Лафонтен, являясь переводчиком с французского.

Как-то раз осмелился показать свои басни одному из критиков в Союзе писателей.

Мне представлялось, что литературовед будет детально разбирать каждую строку, но он только сообщил мне, что в течение века после Крылова жанра басни у нас фактически не было, так как жанр этот давно устарел, что даже Сергей Михалков пишет басни крайне редко и что мне не стоит ими заниматься. А особенно удручает, как выразился критик, моя несовершенная басня про Осли, в которой я хочу "без лишнего слов весь шар земной извлечь от ослосв", а это несправедливо, поскольку осёл — очень нужное и полезное в хозяйстве животное: может, например, перевозить в бурдюках жидкие и сыпучие грузы. Я робко возра-

жал, вспоминая басню Крылова "Осёл и Соловей". "Но разве виновен Осёл, что природа не одарила Соловья прекрасным тенором кенара, щегла или жаворонка?" — спрашивал критик. "Простите, — заикнулся было я, чувствуя, что слегка краснею, — Крылов имел в виду не музыкальные способности Осли, а его мнение о том, что Соловью необходимо учиться у маэстро господина Петуха". Критик снял очки и стал протирать носовым платком. Было заметно, что он почему-то нервничает. После некоторой паузы я добавил: "Может быть, вы мне что-нибудь посоветуете?" Я и не думал, что критик может на меня обидеться, вероятно, считая себя персонажем басни. Об этом узнал позже из других уст — и неожиданно родилась "Эпиграмма на критика басен".

Речь критика — остра и зла.

К ней подступал, как будто к бою:

Ведь басни все, что про Осли,

Считал издёвкой над собою.

Эту свою эпиграмму я показал одесскому поэту Владимиру Домрину (1934 — 1985),

с которым был в очень дружеских, приятельских отношениях, хотя он был на целых шесть лет старше меня и гораздо опытней в поэтических делах. Он тут же взял шариковую авторучку и своим аккуратным и красивым почерком экспромтом так отредактировал моё четверостишие, что я его даже не узнал. Остались прежними лишь стихотворный размер да, пожалуй, парочка слов, которые остались неизменными. Но радости не было предела оттого, что известный поэт редактирует мои строки. Это означало, что они ему чем-то понравились, ибо на полях других стихов он писал всего лишь одно слово: "Слабо!"

"Эпиграмма должна быть хлёсткой и конкретной, — говорил Домрин. — Нужно писать смелее и больше уделять внимания иронии, чтоб все почувствовали, что это портрет маслоса заведующего отделом культуры газеты "Знамя коммунизма". Он — неплохой журналист, но болезненно-подозрительный, воображает опасность там, где она и не ночевала. Страдает мнительностью. У него мнительный характер. Кстати, так и назовём эту эпиграмму: "МНИТЕЛЬНЫЙ", — и Домрин сверху уже

готовой эпиграммы добавил заголовок. Вот как стала выглядеть эпиграмма:

МНИТЕЛЬНЫЙ

*У зава мнительность была,
Но он не подавал и виду.
Хотя все басни про Осли
Считал... за личную обиду!*

Домрин тут же звонил по телефону друзьям и говорил, что к нему в гости пришёл Яни и написал великолепную эпиграмму на завотделом культуры, и читал на память. Но хотя Домрин считал, что лишь отредактировал мои строчки, эпиграмма эта была для меня чужой радостью, так как не менее чем на девяносто процентов была всё-таки явно домринской.

— Если ты считаешь, что эпиграмма не твоя, ты когда-нибудь мне напомни о ней, и я её где-нибудь опубликую, — произнёс Володя, возвращая усеянную надписями, испещрённую его пометками мою рукопись.

Но ничего напоминать мне не пришлось. У Домрина была изумительная память. Он хорошо помнил эпиграмму. И когда речь шла о выпуске в издательстве "Маяк" уже седьмого его сборника стихов "Лунная подкова" (1966), он сказал, что опубликует и эту эпиграмму с посвящением мне. Я взмолился: "Пожалуйста, Володя, не дай Бог, только не мне!" Видимо, он на секунду забыл, что это не просто юморное стихотворение, а эпиграмма с острым, сатирическим намёком на басенного Осли.

Вадим ЧИРКОВ

Свежий букет в деревянном чулане

Уже лет 5 — 6 я получаю (кто-то окатил добром, спасибо ему) журнал news@liveinternet.ru. В нем — всё. Искусство: живопись, скульптура, фарфор, старинное оружие, архитектура, музыка, кинофильмы, фотографии мастеров фотосъемки, сюр, путешествия, замки, водопады... Супертанцы взрослых и детей, говорящие попугаи, неслыханные голоса опять-таки взрослых и детей, понятно, что кошки... Мысли мудрецов, советы травознаев, "Самое интересное", "Необычное", "Позитивное", приколы, рецепты интересных блюд — то есть товары на любой вкус. За один вечер весь журнал не рассмотришь, а получаю я его каждый день.

С некоторых пор, открыв, как следует, журнал, я непременно кликаю на слово "натюрморт". Натюрморт — интереснейший жанр живописи и фото. В нем опять-таки всё. Прежде всего, конечно, красота. Чаше это цветы (каких только нет!). Физалис. Рябина-калина. Причудливая ветка. Потом фрукты. Овощи. Выпивка "от и до". Накрытый стол. То на нем кувшин с молоком и черный (свежий на разрезе!) хлеб, то сало с зеленым луком, чесноком и бутылкой водки, то омары, крабы, хрустальный графин с красным вином и неприменный лимон со спирально спущенной кожурой. Предметы старины: чугуны, угольные утюги, швейные машины "Зингер", лампы ("семилинейная" — не дай вам Бог узнать, что это такое!), фонари, медные подсвечники, глиняные кувшины, серебряные потемневшие кубки, древние книги, музыкальные инструменты... Человеческие черепа (memento mori!) и другие. Раковины... Всё красиво, бездна вкуса, цвета, настроения, всё многозначительно, что-то часто отзывается в сознании музыкальной фразой...

Но лишь однажды я увидел глубину. Она и есть то, ради чего я затеял рассказ.

Глубина была на фото. Натюрморт: старый деревянный чулан и старый же, толстой пыльной доски стол. На нем — позеленевший от времени подсвечник с огарком свечи, огруженной от наплывшего стеарина. Спичечный коробок. Огонек свечи высвечивает гвозди в дощатой стене, на которые подвешены кое-какие инструменты — клещи, ржавая ручная пила, связка старых ключей с узорчатыми бородками... Недалеко от подсвечника лежит висящий замок и ключ к нему с пеньковой (!) ветхой веревочкой. Понятно: кто-то только что вошел в пахнущий деревом и стариной закуток...

А за подсвечником, у другой стены, между двумя черными чугунами, стоит большой букет свежих цветов! Яркий, неожиданный.

И мгновенно понимается: память! Образ ее: букет свежих цветов в старом, сплошь деревянном чулане. Она хранит здесь негаснущее воспоминание о чем-то давнем, произошедшем, бывшем... нет, скорее, промелькнувшем, чудесном, но в свое время недопо-

нятом и — вот оно, то, что не дает угаснуть — упущенном!

Упущенное. Странное, острое чувство. Оно, бывает, сильнее других...

Обратимся теперь к прозе, хотя начну я ее поэтической строчкой: "Это было, было в Одессе..."

Нас тогда на одесской самой людной улице было двое: мой друг, умница, с хорошим, интересным лицом, с женщинами (а речь пойдет об этом) нахрапистый, скажем точнее — женщин по-гусарски самоуверенно атакующий; и я, робкий после 4 лет службы в ВМФ, отвыкший от цивилизованного общения, все еще пугливо осматривающийся.

Стас был из Харькова, жил на Сумской — главной улице, на которой "блистала" по вечерам харьковская молодежная элита; это, конечно, тоже обрисовывает моего друга. В Одессе он бывал временами: учился заочно в гидротехническом институте; я учился в педагогическом и жил в общежитии.

Нас со Стасом сначала связало простое соседство коек в Высшем военно-морском училище в Севастополе, потом обнаружилось некоторое родство душ, общий — прошлого — словарь, одинаково хорошее отношение к умеренной выпивке, еще — обоюдное отчисление из училища (причина была одна: нарастающее сопротивление армейскому диктату), служба в ВМФ рядовыми матросами, встречи, язык долгой дружбы, когда всё понимается с полуслова, согласие во многом... я и другим пожелаю такой прочно-сти дружеских уз. Приезжая в Одессу, Стас стучал в мое окно на первом этаже общежития, я выходил...

И вот начало того эпизода, который закончился для меня... букетом цветов в старом чулане. Стас познакомился с интересной девушкой, нет, молодой женщиной, которую его взгляд пропустил не мог: она отличалась и вкусом к наряду, и осанкой; подкатил, может быть, по-гусарски щелкнув каблукками. Чем-то заинтересовал; она пригласила его (но не одного, а с другом), к себе на кофе. Были в тот вечер чинная гостиня, кресла, картины на стенах, кофе в крохотных чашечках (это после моих алюминиевых кружек с жидким компотом)... Беседа. Разговор вел мой друг, я помалкивал. Но заметил на себе все более частые взгляды хозяйки дома.

Здесь память пропускает подробности нескольких наших визитов в этот дом, зато фиксирует интереснейшую деталь. Мне — а не моему другу — была вдруг вручена для прочтения небольшая только что переведенная на русский язык книжка "Маленький принц". Экзюпери меня поразила, как поразила, наверно, многих, живших в Советском Союзе: новым в литературе героем, его одиночеством, грустью о покинутой им розе на крохотной планете, прощением ее иголкам...

Маленький принц — душа самого Экзюпери.

Замечу здесь, ничего не утверждая: через полтора десятка лет я стал писателем, детским, больше всего любящим писать сказки! Сказок, кроме других книг, у меня вышло три сборника.

Потом мой друг уехал. Ответа на свое внимание к хозяйке дома он так и не увидел. А я стал получать одно за другим приглашения посетить его.

Небольшая информация о нашей новой знакомой. Была она замужем за поляком, жила какое-то время в Варшаве, что-то у них не сложилось, Нина вернулась в родной город, оставив фамилию мужа: Д...вич. Об уехавшем моем друге она высказалась между прочим едкой и отточенной фразой, отметив в ней его бросающееся в глаза гусарство. Жаль, фраза та из памяти выпала.

Как-то мы уговорились пойти вечером к морю, но не на пляж, где и вечером людно (вечерние летние купания в Одессе целыми компаниями — почти обряд), а к скалам, они дальше пляжа, там поздним вечером мало кто бывает.

Память сохранила ее черное узкое платье (наверняка купленное в Варшаве) и — главное — туфли на высоком каблукке, оправданное асфальтовым шоссе, идущим вдоль моря в Отраде. После прогулки по шоссе мы спустились по каменистому склону, без каких-либо ступенек к скале, Нина опиралась на мою руку. О чем я подумал тогда мимоходом — о ее доверии ко мне, а еще — о высоких каблукках на трудных камнях спуска. Мы сели на скалу, в которую билась, иногда бело оскаливаясь, несильная прибойная волна. Сидели, изредка переговариваясь, глядясь в черноту ночи и моря, в две — у каждого своя — лунные дорожки. Я не осмелился тогда взять ее за руку, она — не положила руку на мое плечо. Может быть, ей достаточно было именно такого общения. Не знаю.

Но вдруг такого:

...Зачем мы перешли на "ты"...

За это нам и перепало

на грош любви и простоты,

а что-то главное пропало...

Это строфа из стихотворения Агнешки Осеецкой, полячки, которое, не случайно заметив, перевел ("вольный перевод", было сказано в предисловии) Булат Окуджава.

Кроме слов "что-то главное", есть еще одна примечательная фраза в этой песне: "Мы ищем расставание..."

...Мы с Ниной в те немногие "свидания" (кавычки здесь необходимы) дистанции не "искушали" и все время были на "вы". Наверно, это ее устраивало, устраивал и я, не нарушавший в этих нескольких встречах "расстояния".

...Я пишу эти строки, пытаюсь привычно нащупать ими что-то существенное, осязаемое, но его нет — и в то же время оно есть: воздушное сгущенное пространство, в котором

вот-вот (или возможно) блеснет молния. Прозвучит, наконец, нужное слово.

Иногда мне кажется, что то, о чем я пытаюсь рассказать, подвластно лишь хорошему фортепиано. Жаль, я не музыкант. Я сыграл бы эту тему, чуть касаясь пальцами клавиш, слова в ней кажутся мне слишком конкретной материей...

Было еще несколько встреч, но больше — пригласений заходить. Но из-за послеполуденной карнавальности суеты, в которой я тогда закружился: новые друзья, добросердечные подружки, веселые вечеринки — приглашениями я легкомысленно пренебрег.

Эта мысль пришла позже — ведь я тогда был выбран! Выбран, избран, отобран — поклонников у молодой и красивой женщины было предостаточно. За что выбран, опять не знаю. Женское чутье, женский выбор, можно тут произнести и слово "причуды", для нас, мужиков, тайна за семью печатями. Всегда ли мы знаем, за что нас выбирают, для чего — может, просто из любопытства?... И что разглядела она во мне, во что поверила (во что проникла, что, может быть, надеялась взрастить, как это умеют женщины?), как не побоялась пойти со мной на одинокую ночную скалу, выходящую в море?

...И всегда ли знают они, женщины, вдруг выбирая кого-то?

Может, и знают; но для меня это осталось неразрешенной загадкой.

И еще — ясным теперь ощущением того, что я, кажется, прошел тогда мимо чего-то большого, такого же, наверно, необычного и полного необычных вопросов и необычных ответов, как... как общение летчика Экзюпери в пустыне с Маленьким принцем...

Теперь это упущенное нащупывается раз от раза фонариком мысленного усилия — во все больше сгущающейся темноте тех давних вечеров и часов, усилие вслушивается в обрывки фраз, старается произошедшее (промелькнувшее) понять, разгадать, узнать: что, что, что ты потерял?! Что невероятно хорошее упустил?

"Что-то главное", что, может быть, было известно ей, и что, может быть, понял и узнал бы я.

Я закрепил тот натюрморт на экране компьютера и с неделю букет не покидал его, каждый раз возвращая меня в давнее. Потом заменил букет другой картинкой (я меняю их) и... вспомнил, что не сберег (не записал) натюрморт в компьютерной памяти. И с тех пор, "листая" журнал, я все время кликаю на слово "натюрморт" в надежде отыскать тот, где в деревянном чулане, освещенный догорающей свечой в медном подсвечнике, стоит свежий букет.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маршальская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.